

INSPIRIA

ТЫСЯЧУ РАЗ

«ДА»

18+

РОНИ ЛОРЕН

INSPIRIA

Рони Лорен

Тысячу раз «да»

Серия «Circake. Девушка в поиске»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67961123
Рони Лорен: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173586-9

Аннотация

Рони Лорен – автор бестселлеров New York Times и USA Today.

«Тысячу раз "да"» – трогательная история любви двух необычных людей.

Холлин страдает синдромом Туретта. Социальная жизнь дается ей нелегко. Девушка ведет блог о ночной жизни Нового Орлеана, скрываясь за псевдонимом. У нее много поклонников, но все они обожают вымышленную Миз Поппи, а не настоящую Холлин.

В офисе она знакомится с очень симпатичным парнем по имени Джаспер. Он работает бариста, в свободное время занимается импровизацией в театральной группе. А еще у Джаспера СДВГ.

Кажется, им стоило бы держаться подальше друг от друга. Но это знакомство меняет жизни обоих.

«Умно, мило и весело. Этот роман прекрасен по всем пунктам». – Publishers Weekly

«Эту книгу нельзя пропустить!» – Молли О'киф, автор бестселлеров USA Today

«Феноменально». – Лорелей Джеймс, автор бестселлеров New York Times и USA Today

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	36
Глава третья	57
Глава четвертая	71
Глава пятая	90
Глава шестая	107
Глава седьмая	121
Глава восьмая	134
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Рони Лорен

Тысячу раз «да»

Roni Loren YES & I LOVE YOU

Copyright © 2021 by Roni Loren All rights reserved.

Иллюстрация на переплете *Катерины Киланяни*

© Рябцун М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*Посвящается Маршаллу.
Тебе нельзя читать эту книгу,
но без тебя ее бы не было.
Люблю тебя, цыпленок.*

Глава первая

Иногда Холлин Тейт притворялась, что снимается в кино. У нее был сценарий. Она знала свои реплики. Ее волнистые светлые волосы были идеально уложены и не вились, как сумасшедшие, из-за влажности Нового Орлеана. Сердце билось размеренно. Выражение лица было полностью под контролем и соответствовало ситуации, не подчиняясь командам Туретта¹. Она была уверенной в себе городской девушкой, и перед ней открывалась целая жизнь.

Ее большой карьерный прорыв был не за горами. Компания умных, веселых друзей писала ей эсэмэски, предлагая встретиться, выпить и посплетничать после работы. Будущая любовь всей ее жизни только и ждала, чтобы столкнуться с ней и выбить сумку у нее из рук – идеальная, милая встреча. Она была Кэрри из сериала *«Секс в большом городе»*. Она была Мег Райан² из любого фильма. Она была Мэри Тайлер Мур³, подбрасывающая в воздух шляпку. Она была *той самой* девушкой. По улицам шли и другие люди, но

¹ Синдром Туретта – врожденное генетическое заболевание нервной системы, выражающееся в систематических моторных (двигательных) и вокальных (звуковых) тиках, которые невозможно контролировать.

² Мег Райан – американская актриса и кинопродюсер.

³ Мэри Тайлер Мур – американская актриса, певица и продюсер, неоднократная обладательница премий «Эмми» и «Золотой глобус».

только ее приближала камера, а их присутствие было лишь размытым пятном на заднем плане. Это был ее день. Ее мир. Она им *владела*.

Холлин шла и пыталась представить себе сцену, разыгрывающуюся на экране кинотеатра. Как лучшая, более смелая версия ее самой грациозно ступает по неровным городским тротуарам, а яркие пятна витрин магазинов идеальны для заднего плана. Если эта женщина наклонится, чтобы сорвать пробивающийся сквозь трещину в тротуаре клевер, у этого клевера непременно окажется четыре листка. Холлин пыталась поверить в этот образ, поверить в то, что эта женщина существует. Мысленный фильм помогал ей преодолеть дорогу до работы.

Иногда.

Сегодня фантазия дала сбой, а недостаток сна еще больше взвинтил нервы. Она повернула за угол, и ярко-голубое четырехэтажное здание «Обходного решения» разделило утренние лучи солнца, рассеяв свет. Переоборудованный склад занимал весь угол, а вывеска «*Офисные помещения для креативщиков*», свисавшая с балкона второго этажа, раскачивалась на влажном ветру, дующем с реки Миссисипи. Она сделала глубокий вдох и попыталась разжать пальцы.

Несмотря на то что Холлин уже не испытывала той непреодолимой тошноты, от которой страдала в течение первых нескольких недель в «Обходном решении», ее желудок все еще катался на американских горках, а мышцы шеи сжима-

лись, как кулак. Образ уверенной в себе, готовой к съемкам женщины ускользнул от нее, как дух-бродяга, покидающий временного хозяина. Еще один призрак, бродящий по улицам Нового Орлеана.

Холлин прокрутила в голове план на утро. Она пыталась запомнить людей, которые каждый день работали на ее этаже, чтобы знать, кому нужно быстро пожелать доброго утра (тем, кто отвечал кивком и вежливой улыбкой), а кого следует избегать (тех, кто был склонен к ужасающим светским беседам, вроде тех, что велись у кулера с водой, – пусть даже в «Обходном решении» никогда не было такой приземленной вещи, как настоящий кулер с водой). Но природа коворкинг-пространства означала, что лица постоянно менялись. Люди, арендующие «горячие» столы⁴ на первом этаже, как правило, долго не задерживались. Те, кто, как она, арендовали настоящие офисы, выдерживали дольше.

Она проверила время на телефоне, и ей стало спокойнее при мысли о том, что еще рано и большинство людей придут в «Обходное решение» только примерно через час или около того. Одним из преимуществ работы на себя было составление собственного графика. Большинство ее коллег пользовались этим преимуществом, приходя около девяти или десяти и направляясь напрямик в кофейню, где Джеки, женщина с зелеными волосами и нулевыми навыками обслужи-

⁴ «Горячий» стол – концепция организации офисного пространства, при которой сотрудник занимает не постоянный, а любой свободный стол для работы.

вания клиентов, с ворчанием принимала заказы и бесцеремонно ставила перед клиентом кофе или ароматизированный чай, не говоря при этом ни слова. Холлин Джеки нравилась. Кофе и никаких ожиданий. Женщина ее типа.

Она бросила телефон в сумочку и в привычном ритме постучала большим пальцем по кончику каждого пальца на правой руке. Туда и обратно. Раз-два-три-четыре. Четыре-три-два-раз. Ритуал принес легкий укол облегчения. Она набрала код доступа и открыла стеклянную дверь, которая уже была покрыта влажным конденсатом, и ей в лицо ударил порыв холодного воздуха из-под кондиционера и звук стучащих по клавиатурам пальцев. Холлин вошла внутрь и глубоко вдохнула, пытаясь сосредоточиться. В воздухе витал запах подгоревшего тоста – чей-то неудачный завтрак, – смешанный с одним из тщательно подобранных ароматов, которые подавались в здание, чтобы «повысить креативность и производительность», – сегодня, насколько она могла судить, это был жасмин. Люсинда, владелица «Обходного решения», проводила ароматерапию по какому-то непонятному расписанию – вероятно, в соответствии с фазами луны или чем-то в этом роде.

Холлин бросила быстрый взгляд на первый этаж. Несколько «горячих» столов были заняты: «стол» – это гибкое слово. Любую плоскую поверхность со стулом или диваном рядом с ней можно было арендовать в качестве «горячего» стола. Первый этаж «Обходного решения» был приспособлен в ос-

новном под нужды одиночек – писателей, блогеров, владельцев интернет-магазинов, разработчиков приложений. Люди арендовали рабочие столы, чтобы не работать у себя дома – или, что еще хуже, в доме родителей – и иметь возможность общаться с другими людьми из разных слоев общества и профессий. Это как заплатить за любимое место в «Старбаксе» или в библиотеке, чтобы оно ждало тебя каждый день.

Но в отличие от библиотеки здесь негде было спрятаться. Какая-то феерия экстравертности. Первый этаж был широким и открытым, с высокими потолками, красными кирпичными стенами, блестящими воздуховодами и высокими окнами вдоль задней стены. Синие, желтые и серые диваны были расставлены группками, чтобы поощрять сотрудничество и общение. Горшки с плющом и суккулентами усеивали столы, чтобы помещение казалось менее индустриальным. Все было задумано именно так. Этот образ «Обходное решение» представляло посетителям на снимках в Интернете. *Взгляните, какое современное, модное и социальное место! Зачем работать дома, когда можно быть частью чего-то большего?*

Фотография этого этажа изначально вызвала у Холлин желание вообще отказаться от эксперимента. Она была готова отвергнуть то, что, по мнению ее онлайн-терапевта Мэри Ли, могло помочь справиться с проявлениями социофобии. В то время Холлин была так напугана, что почти месяц не выходила из дома, и возможно, затворничество – это

не так уж и плохо, учитывая открытую планировку, полную болтливых незнакомцев и непрерывного сотрудничества. *И, черт возьми, что за монстр придумал это безумие?* Но потом Холлин увидела частные кабинеты, представила себе работу в таком ярком и современном помещении и влюбилась в идею получить маленький кусочек нормальной жизни – офис, в который можно приходить каждый день. Ценой была необходимость пройти через эту часть – эдакую полосу препятствий из пожеланий «доброго утра».

Она повесила сумку с ноутбуком повыше на плечо, еще несколько раз отстучала ритм пальцами и направилась к кофейному бару походкой, кричащей: «Я занята, не беспокойте меня», – единственной своей защитой от угрозы быть втянутой в вызывающую беспокойство пустую болтовню. Она могла бы воткнуть в уши наушники, но Мэри Ли намекнула, что это будет *жульничеством*. Как будто психическое здоровье Холлин было чем-то, что имело ответ, который можно подсмотреть в решебнике.

Несколько человек улыбнулись ей или сказали ни к чему не обязывающее «доброе утро», и она ответила тем же, но не остановилась. Большинство из них все равно не хотели разговаривать, особенно в такую рань. Не сводя глаз со своего приза, она добралась до кофейного бара в дальнем углу первого этажа так быстро, как будто кто-то засекал ее скорость. Со вздохом облегчения остановилась у стойки и порылась в сумке в поисках карточки «Обходного решения», которая

давала право на два бесплатных напитка в день. Ее отвлек резкий стук.

– *Ублюдки*, – сквозь зубы произнес женский голос.

Последовал еще один металлический стук. Холлин перегнулась через прилавок, чтобы посмотреть, что происходит. Женщина с темно-рыжими волосами – не Джеки – сидела на корточках спиной к Холлин перед низким металлическим шкафом и с невероятной, учитывая ее миниатюрную фигуру, силой дергала дверь. – Какого черта им понадобилось это запирать? Боятся, что мы украдем промышленные упаковки кофе темной обжарки? Не настолько уж он и хорош!

Прежде чем Холлин успела отступить, женщина повернула голову, и ее хмурый взгляд при виде невольной свидетельницы превратился в приветливую улыбку.

– Ой! Эй, эм-м...

Женщина не знала имени Холлин. Холлин видела, как она пытается его вспомнить. Холлин знала эту женщину – Андреа, ее обычно звали Энди. Знала, потому что решила изучить всех, кто работал на ее этаже. В этом смысле она была любопытной.

– Холлин, – откашлявшись, представилась она.

Энди щелкнула пальцами и вскочила, как чертик из табакерки.

– Верно, Холлин. Извини. Красивое имя. Нам как-то не довелось представиться. – Она ткнула себя в грудь. – Энди. Я работаю через несколько кабинетов от тебя.

– Привет. – Холлин поерзала и повозилась со своей сумкой, стараясь, чтобы мышцы лица оставались гладкими и расслабленными. Ей нужен был кофе, а не разговор. Черт, надо завести футболку с такой надписью. Пригодится во многих ситуациях. – А где Джеки? – спросила она.

Энди драматически вздохнула и потуже затянула конский хвост.

– Уволилась. Очевидно, продала образовательное приложение крупной компании и вчера вечером *помахала всем ручкой*. Сказала, что все мы можем идти к черту, и бросила фартук. Почему-то никто не заснял это на видео. – Она закатила глаза. – Ночная смена сильно подвела нас в этом вопросе. Да, похоже, она собирается стать какой-то шишкой в сфере технологий для детей.

Брови Холлин поползли вверх, и она несколько раз против воли сморщила нос, пытаясь полностью контролировать выражение лица.

– Прикинь? – сказала Энди, как будто Холлин ей что-то ответила. – У меня была точно такая же реакция. Не могу представить, чтобы Джеки общалась с детьми – разве что для того, чтобы пригласить их в свой пряничный домик в лесу, а-ля Гензель и Гретель. Я почти уверена, что она отравляла кофе всем, кто давал маленькие чаевые. Но ура, для нее это хорошо, тили-тили, трали-вали и все такое, – сказала она забавным тоном, подняв руки и потряхивая воображаемыми помпонами.

– Однако для нас это плохие новости, потому что я не могу добраться до припасов, а Люсинда заперлась в своем кабинете – у нее конф-колл, – так что я понятия не имею, где взять ключи. – Она наградила запертый шкаф убийственным взглядом. – Как мне сегодня писать новую главу и записывать подкаст без кофе? – Она раздраженно развела руками. – Я не могу работать в таких условиях!

Холлин вытаращила глаза от вихря скорострельных слов и выражений Энди. Именно по этой причине Энди была в ее списке тех, кого она *избегала*. Она знала, что подкастеры стремятся болтать со всеми. Очень стремятся. Такие *разговорчивые*. Для них каждый – потенциальный гость для интервью. Это пробуждало все ее инстинкты убегать и прятаться. Холлин не нашла что сказать, кроме:

– Так значит, никакого кофе?

Энди мрачно покачала головой.

– Думаю, можно сходить через дорогу в «Цикорий», но там так дорого, а владелец – придурок, который всегда говорит женщинам: «Улыбнись, сегодня такой прекрасный день».

Нос Холлин снова сморщился, и она потеряла его, пытаясь подавить нервный тик, стремящийся завладеть мышцами.

– Точно. Неужели он не понимает, насколько агрессивно это звучит? Это же признак социопата, пытающегося контролировать мое поведение. – Энди подняла палец, как будто высказывала свою точку зрения в суде. – Во-вторых, чу-

вак, я не обязана улыбаться, чтобы ты чувствовал себя более комфортно. Я улыбнусь после того, как получу свой чертов кофе по завышенной цене и выметусь из твоей ловушки для туристов!

Смех, зародившийся было в горле Холлин, замер, и вместо этого она издала странный сдавленный звук. Тьфу. *Как неловко.* Почему это так сложно? Почему она не может просто поговорить, как нормальный человек? Ей так сильно хотелось *непринужденно общаться* с кем-то вроде Энди. Почему ее тело и мозг не могут сотрудничать?

Энди ухмыльнулась и постучала себя по виску.

– Прости. Писатель романов ужасов и подкастов о настоящих преступлениях. Все – серийные убийцы, пока не доказано обратное. – Она положила руки на стойку и наклонилась ближе. – Но серьезно, остерегайся парня из кофейни. Вдруг он прячет трупы в морозилке.

– Ха, – кивнула Холлин. – Понятно.

– Не хочешь прогуляться со мной? Типа, вместе безо паснее? – спросила Энди, выходя из-за стойки. – Если он предложит нам улыбнуться, мы обе сможем показать ему наши лучшие выражения лиц «сучки на отдыхе».

Мышца на щеке Холлин дернулась против ее воли: тики усиливались, когда ей приходилось общаться с незнакомыми людьми. У нее не было синдрома стервозного лица. У нее был синдром Туретта. Но в любом случае она не собиралась идти с Энди. Да, она должна находиться здесь, чтобы выхо-

дить за пределы своей зоны комфорта (*я слышу тебя, Мэри Ли!*), но сегодня она уже чувствовала себя так, словно босиком прошла по кнопкам.

– Эм-м, извини. Мне нужно работать. Может быть, в следующий раз.

– Ух ты. Собираешься обойтись без кофе? – Энди широко распахнула голубые глаза. – Храбрая женщина.

– У меня есть витаминизированная вода, – сказала Холлин, неловко похлопывая по своей сумке, в которой явно не хватило бы места для бутылочки с напитком.

Энди наклонила голову, ее темно-рыжий конский хвост свесился набок, как будто она пыталась понять Холлин.

«Удачи», – хотела сказать Холлин.

– Ты какую отраву пьешь? – спросила Энди. – Я все равно туда пойду, могу захватить кое-что и для тебя. Попрошу Люсинду возместить нам стоимость кофе. Мы платим за аренду, и нам гарантированы два бесплатных напитка. Если у нее нет бариста, мы получим долговую расписку. – Она пристально посмотрела Холлин в глаза, поймав ее в ловушку.

– Я, э-э...

– Кофе с молоком, кофе с цикорием, капучино, мокко, латте, холодный напиток, черный чай, зеленый чай, матча...

Энди собиралась продолжать перечислять, пока Холлин не сдастся.

– Кофе без кофеина со льдом и цельным молоком, один кусочек сахара.

Брови Энди взметнулись вверх.

– Без кофеина? Нормальные люди такое заказывают?

У Холлин вспыхнули уши. Именно поэтому она и при-
страстилась к кофе – потому что «нормальные» люди пьют
кофе, а то, что они его не пьют, вызывает у других вопросы.
Но ей нельзя слишком много кофеина, поэтому кофе без ко-
феина был ее единственным вариантом.

– Мне пришлось отказаться от крепких напитков. У меня
от них бессонница.

– А, ясно. Сочувствую. – Энди улыбнулась, и от этой
улыбки маленькое кольцо у нее в носу сверкнуло в солнеч-
ном свете, проникающем сквозь окна. – Я принесу твой об-
манный кофе тебе в кабинет.

Холлин знала, что это паршиво – позволять Энди прино-
сить ей кофе. Но пойти с ней означало продолжить разговор,
а она уже вся взмокла и начинала нервничать под вниматель-
ным взглядом Энди. Так что Холлин кивнула и вытащила из
сумочки пятидолларовую купюру.

– Спасибо.

– Без проблем, – отозвалась Энди таким тоном, что Хол-
лин поняла: девушка действительно не видит в этом пробле-
мы. Энди выхватила у нее из пальцев деньги. – Но если я не
вернусь через полчаса, позвони в полицию и скажи им, что-
бы начинали поиски с парня из кофейни.

Губы Холлин дрогнули в короткой улыбке.

– Ладно. Не умри.

– Ага. Как всегда – ежедневная цель номер один.

Энди коротко помахала рукой и направилась к главному входу, совершенно спокойно приветствуя людей, мимо которых проходила. Зависть, поднявшаяся в Холлин, осела во рту вполне реальным привкусом. Каково это – так непринужденно идти по жизни, демонстрировать свою индивидуальность? Она покачала головой и прошла мимо кофейни к лестнице, которая вела на ее этаж.

Киношная Холлин дружила бы с такой женщиной, как Энди. Киношная Холлин знала бы, что ответить, и легко поддержала бы быстрый живой разговор. Киношная Холлин также поднялась бы наверх и устроила случайную встречу с Родриго, суперкрутым фитнес-блогером, который работал дальше по коридору. Но не было ни камер, ни сценария, и Реальная Холлин просто стремилась спрятаться в своем кабинете, закрыть дверь и заняться работой.

Когда она поднялась по лестнице, на втором этаже стояла почти полная тишина. У нескольких человек двери в офисы были приоткрыты, но все конференц-залы со стеклянными стенами были либо темными, либо их звукоизолирующие двери были закрыты. Одна из двух студий подкастинга работала, над дверью горел свет, и оба помещения для видеозаписи были заняты. Через щель в двери она заметила Эмили Ву, блогера по продуктивности, которая настраивала освещение, чтобы снять видео. Холлин вздрогнула. Под всеми этими огнями она чувствовала бы себя как в комнате для

допросов.

Кабинет Холлин был последним в конце коридора со стеклянными стенами. Небольшая, но светлая комната с большим окном, которое открывало вид на кусочек моста Кресент-Сити-Коннекшн⁵ между зданиями. Мягкий желтый цвет глухой стены успокаивал, а письменный стол стиля mid-century был намного приятнее всех, что у нее когда-либо были, так что она всякий раз, приходя на работу, проводила рукой по гладкому ореху.

Впервые увидев это пространство, она едва не упала в обморок. Всегда, когда у нее начинало крутить живот из-за необходимости идти в «Обходное решение», она вспоминала об этом уютном офисе с красивым письменным столом, видом на город и удобным креслом в углу. Это было офисное помещение, о котором она мечтала, когда работала за потрепанным подержанным столом в доме своей матери. Единственное изменение, которое она внесла бы, – избавилась бы от двух стеклянных стен.

Стена, которую она делила со своим соседом, была матовой, но та, что выходила в коридор, – нет. Если бы комната не была в конце коридора, Холлин чувствовала бы себя хомяком в клетке. Сюда никто не подходил, если только не хотел выйти на лестницу черного хода, чтобы покурить обычные

⁵ Кресент-Сити-Коннекшн (ранее – Большой Новоорлеанский мост) – сдвоенный консольный мост через реку Миссисипи в Новом Орлеане. Считается пятым по длине консольным мостом в мире.

или электронные сигареты, и все равно большую часть времени она сидела спиной к двери. Холлин улыбнулась. Энди, вероятно, сказала бы ей, чтобы она никогда не сидела спиной к двери. Но серийный убийца вряд ли пойдет в эту сторону.

Холлин щелкнула выключателем настольной лампы и включила ноутбук, жалея, что у нее в руке нет чашки горячего кофе. Ей нравился ритуал: медленно потягивая кофе, каждое утро просматривать электронную почту. Впрочем, полупустая бутылка теплой воды, которую она на днях оставила в офисе, должна была пока спасти ситуацию. Она устроилась за столом и открыла почтовый ящик.

Что-то расслабилось в ее теле. За дверью она чувствовала себя инопланетянкой, пытающейся выучить чужой язык. Но здесь, за своим столом, она могла быть самой собой.

Компьютер звякнул, оповещая о новых письмах. Неприятное послание от кого-то, кому не понравился ее отзыв об их группе «экспериментального поп-фанка». Прочитав оскорбление, она закатила глаза. *Смирись, чувак. Единственный ваш эксперимент – это выбор вокалиста, который оказался глуховат и никак не мог перестать хвататься за промежность.* Два запроса на свидания. Нет, спасибо, усердствующие незнакомцы. Пересланная матерью статья о новой пищевой добавке, которую она должна попробовать. *Удалить.* И наконец, письмо с темой, обещающей предложение, которое *бывает раз в жизни.* Она зависла над последним письмом, молча делая ставки, прежде чем нажать на него.

Будет ли это предложение рефинансировать ее ипотеку, секретный банковский счет на Багамах или фотография члена? Она бросила мысленный кубик и щелкнула.

И у нас есть победитель!

Экран заполнился крупным планом gif-изображения высокой четкости, на котором чувак вставлял свой пенис в носок черной туфли на высоком каблуке. Клип был зациклен так, чтобы создать полный эффект толчка. Она фыркнула, а затем наклонила голову, изучая изображение. С тех пор как ее развлекательная колонка на сайте «Атмосфера НО-ЛЫ⁶» набрала популярность, она стала получать подобные электронные письма так часто, что начала их классифицировать. Парень из тех, кто слишком много пьет и принимает плохие решения? Одинокая душа? Потенциальный преследователь?

Миз⁷ Поппи, прозвище, которое она использовала для своих обзоров фильмов и местных развлечений, получала на свою почту всю гамму. Холлин была поражена предположениями, которые люди делают о человеке, основываясь на его мультяшном аватаре. Красные губы, длинные темные волосы и облегающий черный наряд ее мультяшной альтер-эго за одну неделю получили больше запросов на свидание, чем

⁶ NOLA (New Orleans, Louisiana) – популярное название Нового Орлеана.

⁷ Миз (Ms) – замена «мисс» и «миссис», если семейное положение дамы неизвестно. Вошло в употребление с 1970-х годов по инициативе феминистского движения.

она сама за всю свою жизнь. Если бы она могла жить в мультяшном мире, она *убила* бы ее. Но, увы, Миз Поппи существовала лишь в воображении ее читателей. Если бы они знали, что Миз Поппи на самом деле была просто цыпочкой с непослушными светлыми кудрями, еще более неуправляемым тревожным расстройством и предпочитала кроссовки Vans с высоким верхом высоким каблукам, они были бы сильно разочарованы.

К счастью для нее, никто, кроме ее редактора и босса в «Атмосфере НОЛЫ», не знал, кто такая настоящая Миз Поппи, а это означало, что парень с заблудшим пенисом сохранит свою фантазию о туфлях Миз Поппи. Чего он не получит, так это ответа. Она подняла руку, чтобы удалить электронное письмо, но не успела этого сделать, как раздался стук в дверь.

Ее тело напряглось, и она автоматически перешла в режим «если-я-останусь-на-месте, может, они-меня-не-увидят». Никто никогда не стучал в ее дверь. На дверной ручке висела табличка «Не беспокоить», которую она купила во Французском квартале. На ней была изображена кукла вуду, утыканная булавами. Чертовски понятный посыл. Но прежде чем она смогла полностью перейти в режим «беги или сражайся», она вспомнила, что Энди пошла за кофе. Нужно развернуться. Побывать нормальным человеком еще несколько минут.

Стеклянная дверь приоткрылась с тихим свистящим зву-

ком.

– Эм-м, привет?

Не Энди. Голос был мужским, незнакомым. Ей правда нужно было развернуться, но она чувствовала, словно через нее бежит электричество, заставляя подскакивать нервные окончания. Пальцы задержались на подлокотниках рабочего кресла, выстукивая ритм. *Раз, два, три, четыре.*

– Это вы заказывали кофе? – неуверенно спросил парень.

Холлин облизнула губы – *возьми себя в руки, детка* – и заставила себя развернуться на стуле. В дверях с чашкой кофе в руке стоял незнакомый парень. У нее перехватило дыхание. Во-первых, потому что он был незнакомцем и находился *в ее кабинете, ожидая, что она произнесет какие-то слова.* Во-вторых, потому что, *черт подери, он выглядел восхитительно.*

Казалось, он мог бы сниматься в рекламе «Обходного решения». Высокий и худощавый, в не до конца застегнутой рубашке с короткими рукавами и узких джинсах. Карие глаза окружали квадратные очки в черепаховой оправе. Темные взъерошенные волосы на макушке были чуть слишком длинноваты, чтобы считаться аккуратными.

Он одарил ее облегченной полуулыбкой, и его пристальный взгляд скользнул по ней, от чего все внутри запульсировало.

– Уф. Стало быть, жива, – сказал он. – Какое облегчение.

– Прошу прощения? – Ее горло сжалось до окружности

карандаша, слова выходили прерывистыми.

Он сдвинул очки на переносицу, его улыбка стала шире.

– Ну, был бы полный отстой, если бы в первый же день на новом рабочем месте я нашел труп.

Она должна была улыбнуться в ответ, или рассмеяться, или что-то в этом роде, но, как обычно, тело не слушалось. Она не очень хорошо справлялась один на один с любым незнакомцем, но этот парень вывел ее систему просто на уровень Армагеддона. Притяжение было чудовищным. Это было похоже на взрыв бомбы, вызвавший все самые смущающие аспекты ее беспокойства и синдрома Туретта. Все немного нервничают, испытывая влечение, но в ее случае это проявлялось в сто раз сильнее. Она изо всех сил пыталась вести себя спокойно, напрягая нервные окончания до побелевших костяшек, но знала, что так долго продолжаться не может. Она непременно занервничает или ляпнет что-нибудь неловкое. Ее напряжение усиливалось – резинку тянули, тянули, тянули.

– Вам что-то нужно?

Холлин внутренне поморщилась от того, как грубо это прозвучало.

Он вздрогнул, и его улыбка потускнела на несколько ватт. Она ощутила острую боль от этой потери.

– Э-э, да, простите. Эта женщина, которую я встретил внизу, Энди, попросила меня принести вам это. – Он поднял чашку с кофе, как будто принося жертву богам. – Я не хотел

прерывать вашу... – Его взгляд скользнул через ее плечо к экрану, глаза за очками расширились. – Работу? Интимный момент с парнем? Исследование обувного фетиша?

Она закрыла глаза, подавленная, даже не потрудившись оглянуться.

– Это... спам.

– Эй, я ж не осуждаю. Дело ваше, – добродушно сказал он. – Я просто ищу Люсинду, а Энди сказала, что вы знаете, куда меня направить.

Лицо Холлин пылало так, что ей казалось, она сгорела на солнце. Она заставила себя встретиться с ним взглядом и постаралась сдержать нервный тик, *ненавидя* страх, *ненавидя* то, что овладевало ею, когда она находилась рядом с другими людьми. Постукивая пальцами по подлокотнику кресла, она попыталась дышать так, как ее учила Мэри Ли – медленно, глубоко. Ей не нужно бояться Красавчика. Красавчик здесь только для того, чтобы принести ей кофе, узнать дорогу и потрясающе выглядеть в джинсах. Это не конец света. Нет нужды паниковать или запасаться консервами.

Однако ее тело этого не понимало, и она едва смогла произнести:

– Ее кабинет в другом конце коридора. Последняя дверь перед большим конференц-залом. Сначала постучите.

Но он не смотрел на нее. Он продолжал смотреть на экран ее компьютера, и в его золотисто-зеленых глазах плясало веселье.

– Если существует такая вещь, как грибок стопы, как вы думаете, можно ли... подхватить его в других местах? Я имею в виду, может быть, ему стоит воспользоваться презервативом?

Она взглянула на компьютер.

– Или носком.

Слова вырвались сами собой, она этого не планировала, и его внимание переключилось на нее. Заразительная улыбка вернулась.

– Носком. – Он рассмеялся. – Точно! Единственная подходящая защита от обуви. – Он покачал головой. – Почему я никогда не получаю такого интересного спама? Я лишь получаю предложения от русских моделей, желающих выйти за меня замуж. Они обещают, – он сделал свободной рукой кавычки, – «сделать меня по-особенному счастливым». Думаю, что это означает, что они готовят потрясающий *боржиги*. Холлин поджала губы от нарочитого русского акцента и опустила глаза, желая рассмеяться, но зная, что если она это делает, с такими напряженными мышцами смех прозвучит как крик попугая.

– Звучит как хорошая сделка.

– Думаете? Если честно, свекла сильно недооцененный корнеплод. Я тщательно взвешиваю все предложения, – сказал он с притворной серьезностью и поставил кофе на угол ее стола, пахнув свежим ароматом геля для душа. Протянул руку. – Кстати, я Джаспер.

Холлин протянула руку, понимая, что избежать рукопожатия невозможно, и его теплая, уверенная ладонь обхватила ее, посылая зудящее осознание касания вверх по руке, оно расплзлось в груди. Его пристальный взгляд встретился с ее и задержался, как будто он пытался заглянуть в ее голову, прочитать ее мысли. Связь была слишком интенсивной, зрительный контакт для нее был невозможен. Захотелось выполнить свою считалочку. Она быстро ослабила рукопожатие.

– Спасибо, что, э-э, принесли кофе.

– Без проблем. – Он отступил назад, бросив на нее выжидающий взгляд, а затем спросил дразнящим тоном: – А вы?..

Она посмотрела вниз на свои руки, которые были крепко сжаты, и поняла, что позволила этому зайти слишком далеко. Если Джаспер здесь новичок и у него сложилось впечатление, что она была кем-то, с кем он может поболтать и пошутить, ей придется переживать этот приступ беспокойства каждый чертов день на работе. Ей нужно лучше ладить с людьми, но она не может начинать с кого-то вроде Джаспера. Это было все равно что, что решить научиться играть на гитаре и начать с песен Джимми Хендрикса. Сначала нужно выучить аккорды. Лучше подрезать горячего новичка на перевале.

– Я занята, – решительно сказала она.

– Вы... – Он сделал паузу, как будто проверяя, правильно ли он ее расслышал. – О, точно.

Она подняла глаза, обнаружив, что он нахмурился, и ком-

ната, казалось, тут же потускнела.

Мужчина прищурился, как будто не мог понять, серьезно ли она говорит, но затем расправил плечи и выпрямился.

– Да, хорошо, извините, что побеспокоил. Удачи с вашим... парнем – фетишистом обуви.

Она снова кивнула, не решаясь заговорить.

Джаспер направился обратно к двери с растерянным выражением лица. Парень явно не привык, чтобы его отшивали. И зачем кому-то его отшивать? Он привлекательный. Забавный. Один из тех, кому, наверное, всегда комфортно, в какую бы ситуацию он ни попал. Они с Энди отлично ладили бы.

Укол ревности заставил все внутри сжаться.

Он встал в дверях и ткнул большим пальцем влево.

– Пойду поищу Люсинду.

Он давал ей возможность все исправить. Исправить ее грубость.

Она не могла смотреть ему в глаза, и желание прочесть считалочку стало нестерпимым. Она быстро развернула стул к ноутбуку, повернувшись к нему спиной.

– Спасибо. – Ее тон был резким и пренебрежительным.

– Не за что. Ладно.

Наступила тяжелая тишина, как будто он собирался сказать что-то еще, и она собралась с духом. Какая-то странная часть ее хотела, чтобы он вернулся, не позволил ей так легко отделаться, не позволил режиму сучки отпугнуть его, как

всех остальных, чтобы он увидел, что она на самом деле не хочет этого, но не знает, как справляться с такого рода вещами. Но дверь тихо закрылась, потому что – что еще он мог хотеть сказать той, кто даже не назвала своего имени?

Ну вот. Дело сделано.

Джаспер превратился в еще одного коллегу, который навесит на нее ярлык – стервозная, неуклюжая, чванливая, странная, грубая – одно из многих прилагательных, которыми ее называли раньше. Не имеет значения, какое из них он выберет. На этот раз она заслужила его честно и справедливо, и это удержит Джаспера на расстоянии.

Миссия выполнена. Она должна почувствовать облегчение.

Она оглянулась. Коридор был пуст, и она откинулась на спинку стула. Она не знала, почему чувствовала себя такой разочарованной. Как будто она сделала бы что угодно, но не съеживалась бы, если бы он все еще стоял там. Как будто она могла превратиться в другого человека, пойти за ним и сказать: *«О, мне так жаль, Джаспер. Просто у меня было плохое утро. Ты же знаешь, как это бывает. Я Холлин. Большое спасибо за кофе. Хочешь, покажу тебе здание и познакомлю с несколькими людьми? После этого мы можем перекусить, и ты расскажешь мне все о себе, а потом я расскажу тебе, почему нам стоит завести грязный офисный роман и перепихнуться в копировальной комнате. Ты любишь тайскую кухню? Отлично, поехали».*

Она положила голову на стол и стала тихонько постукивать по столешнице.

Может быть, вся эта затея с «Обходным решением» была ужасной идеей. Может быть, Мэри Ли ошибалась и дала ей дерьмовый совет. Может быть, вся эта онлайн-терапия была сплошным обманом, и Мэри Ли учил жизни какой-нибудь девятнадцатилетний подросток, работающий в подвале родителей.

Компьютер звякнул, уведомляя об электронной почте, и она со вздохом подняла голову и нажала кнопку. Письма о постах Миз Поппи на прошлой неделе, два новых задания для фрилансеров. Работа. Это немного сняло напряжение и положило конец сеансу жалости к себе.

Спокойно. Черт возьми. Успокойся.

Не драматизируй. Вот что сказала бы Мэри Ли.

Ладно, значит, у нее был небольшой приступ паники. Хорошо. Она не могла ожидать совершенства. Не могла позволить одному неловкому случаю поколебать свою уверенность в этом плане. Она слишком много работала, чтобы дойти до этого момента. Это не должно было стать чем-то особенным. Джаспер не должен был стать кем-то особенным.

* * *

Смотри, Мэри Ли, механизмы преодоления в действии! Запиши это в своей схеме и отметь смайликом.

К началу обеда Холлин спрянула напряженное утро в файл *«Давай притворимся, что этого никогда не было»* и полностью отвлеклась, готовя следующий пост. Она чувствовала себя довольно хорошо, даже решилась спуститься вниз за вторым кофе без кофеина... и замерла в нескольких футах от кофейного бара. Джаспер стоял за прилавком, наливая кому-то чашку, на его талии был повязан синий фартук.

Ее желудок сжался.

Он был не просто еще одним человеком, арендующим «горячий» стол, – кем-то, кого легко избежать. Он был новой Джеки. Новым хранителем кофе.

Джаспер улыбнулся ей и поднял руку в знак приветствия. Такой чертовски дружелюбный. Такой чертовски горячий ботаник.

– Привет, мисс Занята.

«Улыбнись в ответ! Улыбнись в ответ! Улыбнись в ответ, – молча кричала она себе. – Будь нормальным человеком!»

Вместо этого на ее лице появилась гримаса, напряжение мышц, которое она не могла контролировать. Его улыбка исчезла, в глазах мелькнуло удивление. Затем раздражение. Внутри Холлин умерла какая-то маленькая частичка. Она

повернулась на каблуках и пошла обратно тем же путем, которым пришла.

На лестничной клетке она прислонилась к кирпичной стене и закрыла глаза. Чувство унижения пронзило ее так, что закололо конечности. *Нет, нет, нет.* Она чувствовала предательские признаки, но останавливать это было слишком поздно. Все системы были уже задействованы.

Привет, паника, мой старый друг.

Она мысленно обнулила календарь, который вела в своем дневнике, где отслеживала, сколько дней подряд у нее не было паники, с заголовком *«Не прерывай цепочку»*. Цепочка разорвана. Снова.

Если бы ее мать была здесь, она бы покачала головой, глядя на нее с эдаким понимающим выражением на лице. *Ви-ди-шь, милая, я же говорила тебе, что переезд в город – плохая идея. Ты к этому не готова. Возможно, никогда не будешь готова. Ничего страшного. Просто возвращайся домой.*

Сердце Холлин забилося часто-часто, на коже выступил пот, и все, что она представляла в воображаемом фильме о себе, растворилось в уродливой реальности. Для нее не существовало четырехлистного клевера. Не было никакой милой встречи. Ее неловкость не была достойна восхищения, как у киногероини. Она была проклятой катастрофой. Этот монстр, который схватил ее за горло и взял под контроль ее мышцы, был настоящим, и он был больше, злее и решитель-

нее, чем когда-либо.

Возможно, мама была права.

Она хлопнула ладонью по стене и разочарованно застонала. Звук эхом разнесся по пустой лестничной клетке.

Нет.

Она. Не. Сбежит. Ей нравилось работать в собственном уютном офисе. Ей нравилось, что она наконец-то зарабатывает собственные деньги, пусть их не так уж и много. Ей нравилось свободно гулять по ночному городу, а не наблюдать за жизнью на экране телевизора в маленьком родном городишке. Черт возьми, она была *Миз Поппи*. Она была *знаменита*. На региональном уровне. На микрорегиональном уровне. Очень микро. В Интернете.

Она застонала от собственной дурацкой ободряющей речи, но это, по крайней мере, отвлекло ее от того, чтобы снова и снова прокручивать в голове неловкую встречу с Джаспером. Ничего особенного. Она не позволит влечению к какому-то смазливому бариста сорвать ее план. Она в состоянии с этим справиться.

Это же просто парень. Таких в мире пруд пруди.

Ну и что с того, что этот конкретный парень счел ее грубой? Она же не собирается с ним встречаться. Она ни с кем не способна встречаться. На самом деле ей больше никогда не придется разговаривать с Джаспером.

Не о чем беспокоиться.

Все круто.

Совершенно круто.

Тьфу. Может быть, стоит подыскать себе новый офис.

Глава вторая

Будь крутым. Соцработники Джаспера всегда говорили ему, чтобы он думал, прежде чем действовать. Они производили «импульсивный» так, как будто это было грязное ругательство. Как будто это была какая-то болезнь, которой он заразился. *Джаспер не может себя контролировать. Джаспер не может держать рот на замке. Джаспер чрезмерен.* Теперь он слышал их голоса в своей голове, и они советовали ему просто оставить все как есть и наливать чертов кофе. Но когда он улыбнулся таинственной женщине со второго этажа, а ее милое личико исказилось с таким отвращением, прежде чем она поспешила в противоположном направлении, ему захотелось крикнуть: «Эй, в чем твоя проблема?»

Что он ей сделал, кроме того, что принес этим утром кофе и постарался не смущать, когда заметил, что она просматривает порно? Джаспер поставил графин, который держал в руке, и открыл было рот, чтобы окликнуть ее, но она ускользнула на лестничную клетку, прежде чем он успел произнести хоть слово. Он нахмурился и покачал головой. «Какого черта, блин?»

– Что? – спросила стоящая перед ним темноволосая женщина, отрываясь от своего телефона. Эмили Ву. *Влогер-блогер.* «Атмосфера **НОЛЫ**». Он сделал мысленные пометки, решив узнать как можно больше имен и личностей.

– Извините, – сказал он, закрывая крышкой ее кофе и ставя его на стойку. – Я просто... Я думаю, что, должно быть, сделал что-то, что разозлило женщину, которая работает наверху в конце коридора. – Он мотнул головой в сторону лестницы. – Она направлялась в эту сторону, а потом сбежала, когда увидела, что я работаю за стойкой. Может быть, она не доверяет мне приготовление своего кофе или что-то в этом роде.

Брови Эмили приподнялись, и она посмотрела в сторону лестницы.

– Последний офис... Женщина с вьющимися светлыми волосами?

– Да, вы ее знаете?

Эмили сунула телефон в карман пиджака и взяла кофе.

– Не совсем. Я имею в виду, я проходила мимо нее в коридоре, но она держится особняком. Я думаю, что она, может быть, писательница. Занимается тем, что не требует комнат для видео или подкастов.

– Хотел бы я знать, чем я ее обидел. – Он налил себе стаканчик кофе, прокручивая в голове их предыдущее общение, пытаясь понять, где и что пошло не так. – Может быть, ей сильно нравилась женщина, которая работала здесь до меня, и теперь она злится, что та ушла.

Эмили слегка поперхнулась кофе и улыбнулась.

– Ну, это точно не так. Никто не любил Джеки. – Она взяла салфетку, чтобы промокнуть губы. – Джеки об этом поза-

ботилась. Может быть, у нее просто выдался плохой день, а вы оказались на линии огня.

– Может быть, – сказал он, так и не убежденный.

Может быть, он теперь просто так действует на женщин. Они видят его и бегут прочь.

Взгляд Эмили метнулся к часам над кофейной стойкой.

– Ну, мне нужно вернуться к своему столу. Перерыв на кофе почти закончился, а на этой неделе я работаю по строгому расписанию. Я должна его придерживаться, чтобы посмотреть, получится ли у меня с тайм-менеджментом. – Она подняла свой стаканчик, словно произнося тост. – Добро пожаловать в «Обходное решение», Джаспер. Не позволяйте технарям уговорить вас вложить деньги в их приложение. И друзья не просят друзей присоединиться к их Патреону⁸.

Он ухмыльнулся и прикоснулся своим бумажным кофейным стаканчиком к ее.

– Спасибо за советы. Все так плохо, да?

– Нет, не волнуйтесь. Вы обнаружите, что большинство людей здесь довольно дружелюбны, особенно когда вы угощаете их кофе. Не переживайте из-за тех, кто от них отличается. – Она пожала плечами. – Некоторые работают самостоятельно, потому что они начинающие. Другие делают это просто потому, что не могут работать с другими.

– Ясно. А к какой категории относитесь вы?

⁸ Патреон – краудфандинговая площадка, которую в 2013 году основал американский музыкант Джек Конте.

– Пожалуй, к обеим, – с огорченной улыбкой призналась она.

– И к тому же склонны к самоанализу, – поддразнил он.

– У меня бывают такие моменты. – Эмили проверила смарт-часы и кивнула, как будто поставила точку в конце предложения, а затем целеустремленным шагом направилась к лестнице, цокая каблуками по гладкому бетонному полу.

Джаспер схватил тряпку, чтобы протереть стойку, и попытался избавиться от чувства, которое вызвала у него таинственная женщина, которая посмотрела на него с таким презрением. Но он никак не мог выбросить это чувство из головы. Его сестра, Гретхен, дразнила его, говоря, что у него потребность нравиться всем – эдакий актерский крест. А может, это просто инстинкт самосохранения приемного ребенка. Возможно, дело только в этом. Этим утром он хотел расшевелить ту женщину. У нее был потерянный взгляд, который говорил, что ей нужна небольшая поддержка. Он всего лишь попытался завести друзей на новой работе.

Ладно, может быть, это было не совсем правдой. Возможно, он пытался немного пофлиртовать. Эти большие зеленые глаза и копна светлых кудрей напомнили ему девушку из шоу, которое постоянно смотрела Гретхен, когда он впервые переехал в семью Дирс, – *Фелисити*. Он тогда не смотрел шоу и не участвовал в ежегодных загулах Гретхен, но всегда считал, что эта главная героиня – горячая штучка.

Как бы то ни было, на таинственную женщину было приятно смотреть. Но флирт Джаспера был безобидным. Последнее, что ему сейчас было нужно, – это связаться с кем-то, кого он будет видеть каждый день. На самом деле ему вообще никто не нужен. После того, что он пережил с Кензи, ему не хотелось никаких свиданий – ни случайных, ни каких-либо еще. С женщиной со второго этажа он просто пытался растопить лед. Ему подумалось, что, если бы получилось найти приличных людей, с которыми можно поболтать, это сделало бы немного более терпимым тот факт, что в свои двадцать пять он вернулся к разливанию кофе. Возможно.

Но если мисс Занята не заинтересовалась знакомством с ним, то это ее, а не его проблема. Поэтому вместо того, чтобы сделать то, что он действительно хотел сделать – подняться наверх и снова постучать в ее дверь, чтобы узнать, в чем дело, – он повесил на стойку табличку «Буду через пятнадцать минут», взял свой кофе и нашел свободный столик. Работая за кофейной стойкой и раз в неделю предлагая участникам «Обходного решения» занятия по импровизации, он получал бесплатное рабочее время, доступ в видеозал и репетиционное пространство для своей труппы. Зарплата была невелика, но благодаря льготам этот вариант был лучше остальных, которые он мог сейчас найти. Кроме того, офисная обстановка была идеальным местом для сбора материала как для импровизационного шоу, так и для идеи нового телесериала. Он вытащил из заднего кармана маленький блок-

нот и сделал несколько заметок.

Импровизационной труппе предстояло несколько концертов, и хотя к фактическому содержанию шоу никто не готовился, они попросили его почитать монологи на следующих трех выступлениях. Ему нравилось, когда в голове крутится как можно больше историй для этих монологов, даже если он и не мог предсказать, что предложит ему аудитория. Просьба труппы была первым сигналом о том, что они готовы простить его за то, что он бросил их и последовал за Кензи в Лос-Анджелес. Когда он ушел, его труппа только-только получила главное место в Театре комедии Лагниаппе⁹, где выступала со скетчами и импровизационным шоу, но их исключили из программы, когда он и Кензи переехали в Лос-Анджелес.

Он планировал загладить свою вину перед труппой, выложившись на сцене и найдя для них место получше, чем дерьмовая забегаловка, в которой они сейчас выступали. Джаспер перевернул страницу и сделал еще несколько заметок. Он погрузился в свои мысли, и звуки рабочего пространства вокруг него стихли.

Через несколько минут в кармане у него зазвонил телефон, он отложил блокнот в сторону, разблокировал экран и застонал. Оповещение Google о Кензи. Какого черта он их еще не выключил? Надо было прекратить это разрушающее

⁹ Лагниаппе – театральная компания, центр театрального образования и дом проката декораций и костюмов в Александрии, Лос-Анджелес.

душу, низкопробное преследование. Вместо этого он обнаружил, что нажимает на кнопку.

Дебютантка Кензи Лорд сыграет главную роль и станет соавтором нового оригинального комедийного скетч-шоу Netflix «Аврора Боринг».

Статью сопровождал портрет улыбающейся Кензи, а также откровенное фото, на котором она выходила из ресторана рука об руку с Эймсом Тореном, на данный момент – одним из самых популярных комиков в шоу-бизнесе. Бывшая девушка Джаспера и бывший партнер по импровизации выглядели такими счастливыми, такими чертовски жизнерадостными, что Джаспер даже сощурился от яркого света всего того блаженства, который излучал его телефон.

Хуже всего было то, что он даже не мог ненавидеть ее за это. Эта женщина была чертовски талантлива. Она заслужила свое место.

В отличие от него. Он прошел прослушивание всей своей жизни вместе с ней и провалил его. Потом они расстались, потому что *ей нужно было сосредоточиться на своей карьере, а они двигались в разных направлениях.*

Она двигалась явно вверх, так что он понимал, в каком направлении, по ее мнению, движется его карьера.

– ДЖАСПЕР?

Громкий мужской голос отвлек Джаспера от Интернета, и он едва не опрокинул кофе себе на колени. Он придержал

кофейную чашку и резко поднял голову.

– Черт побери. Это ты, чувак, – широко ухмыляясь, произнес афроамериканец размером с холодильник. – Джаспер, блин, Андерсон.

Джаспер чувствовал себя так, словно попал на вечеринку братства, членом которого не был. Чувак, казалось, был в состоянии поднять Джаспера и изобразить «подставку для кеги»¹⁰. Но прежде чем Джаспер успел среагировать на свою старую фамилию или припомнить смутно знакомое лицо, парень протянул руку. Джаспер рефлекторно ответил на рукопожатие, и незнакомец заставил его встать и заключил в восторженные мужские объятия, хлопнув Джаспера по спине с такой силой, что он закашлялся.

– Э-э, привет? – выдавил Джаспер.

Парень откинулся назад с понимающей ухмылкой.

– На фиг мне твое невнятное *«привет»*. – Он приложил руку к груди. – Фитц Маклейн.

– Фитц... – Имя мгновенно расставило по местам недостающие кусочки головоломки, и у Джаспера в голове возник образ тощего гиперактивного ребенка, чей голос всегда был слишком громким для нервных учителей в альтернативной школе¹¹ Уэсли для мальчиков. Джаспер почти услышал

¹⁰ Подставка для кеги – имеется в виду забава на вечеринке, когда участник поднимает бочонок с пивом и пытается выпить как можно больше за один раз или пить как можно дольше.

¹¹ Альтернативная школа – учебное заведение с нетрадиционной учебной программой и методами обучения. Некоторые альтернативные школы предназна-

чопорный голос своей учительницы математики в восьмом классе. *«Убавьте громкость, мистер Маклейн. Говорите потише, мистер Маклейн».*

Эти замечания перемежались с *«Пожалуйста, обратите внимание, мистер Андерсон. Пожалуйста, прекратите болтать, мистер Андерсон. Неужели то, что за окном, интереснее моего урока, мистер Андерсон?»*

И так всегда.

Единственная причина, по которой Фитца не наказывали за нарушения так, как Джаспера, заключалась в том, что *мистер Маклейн* всегда знал правильные ответы. Но Джасперу нравился этот парень. Было здорово оказаться не единственным приемным ребенком в Уэсли.

Джаспер улыбнулся.

– Вау, Фитц. Ты так выглядишь... – *Как чертов полузащитник, который съел бывшего Фитца Маклейна.* – Я бы тебя ни за что не узнал.

Фитц отступил назад и развел руки в стороны, гордо сияя.

– Наконец дорос до собственного голоса после того, как в колледже занялся пауэрлифтингом.

– Круто, чувак. Отлично выглядишь, – сказал Джаспер. – Что ты здесь делаешь?

Фитц указал на потолок.

ны для учащихся всех академических уровней и способностей, другие специально предназначены для учащихся с особыми образовательными потребностями, для решения социальных проблем, влияющих на учащихся, или для учащихся, которые считаются подверженными риску академической неуспеваемости.

– Компания, которой я управляю, временно арендует часть четвертого этажа.

Брови Джаспера поползли вверх.

– Твоя компания? Да иди ты!

Фитц Маклейн владеет компанией? Когда Джаспер знал его, парень едва мог завязать галстук на форме. Фитц всегда был нерадивым.

Он пожал плечами, как будто владеть компанией не было чем-то особенным.

– Да, я генеральный директор GetFIREd. Это инвестиционная онлайн-фирма. Мы специализируемся на работе с людьми, работающими над планом «ЗАРЕВО».

– План «зарев»? – Джаспер представил горящие деньги. Это было похоже на *его* нынешний инвестиционный план. Или, как ему нравилось думать, это был *путь художника*.

– Это означает «Зачем Работать, Если Возможен Отдых»¹². Помогаем людям, которые хотят уйти на раннюю пенсию в возрасте тридцати лет, – сказал он, взглянув мимо Джаспера, как будто проверяя, работает ли кто-нибудь в кофейне.

– В тридцать лет? – *Черт подери, как?* Джаспер все еще обдумывал, как начать свою настоящую карьеру, а люди его возраста уже приближались к выходу на пенсию? – Звучит... вау.

Фитц ухмыльнулся и окинул его взглядом.

¹² FIRE (англ.) – Financial Independence, Retire Early.

– Правда? Все дело в правильном выборе активов и сокращении расходов. Проще простого. Возьми в свой портфель какую-нибудь недвижимость, инвестиции, которые принесут пассивный доход, поживи какое-то время на мели, и *бах!* – Он хлопнул в ладоши, звук отозвался эхом. – Больше не нужно на кого-то работать. – Он вытащил из заднего кармана карточку и протянул ее Джасперу. – Если интересно поговорить об этом по подробнее, дай мне знать.

Джаспер фыркнул.

– Спасибо, чувак, но единственная часть, с которой я справлюсь, – это ограниченный бюджет.

– А, понял, – добродушно сказал Фитц. – Чем ты теперь занимаешься?

Джаспер пожал плечами.

– По-разному. Ну, знаешь, всем тем, что, по мнению наших учителей, я и должен был делать, когда вырасту, – мелкие преступления, позволяю одиноким вдовам использовать мое тело за деньги, продаю органы на черном рынке.

Фитц рассмеялся.

– Превосходно. Звучит прибыльно.

– Да, все это, вероятно, принесло бы мне больше денег, чем то, чем я на самом деле занимаюсь, – признался Джаспер. – Я актер в импровизационной труппе. Мы выступаем несколько вечеров в неделю здесь, в городе.

Фитц щелкнул пальцами.

– Вот оно что. Тебя еще в школе втянули в театральную

программу.

– Да, сначала насильно, но потом я попался на крючок.

У Джаспера не было хороших воспоминаний об Уэсли. В тот год он жил в ужасной семье и был полон решимости доставить достаточно неприятностей, чтобы переехать. Но миссис Эрнандес, учительница английского языка, в тот год стала для него единственным лучом света. Вместо того чтобы наказать его за поведение на уроке, она заставила его «добровольно» участвовать в спектакле. *«Используйте энергию с пользой, молодой человек»*. Он влюбился в удовольствие быть на сцене, обращать на себя внимание людей, заставлять их смеяться.

– Вау, так ты все еще играешь. Это здорово. Воплощение мечты, – с неподдельным энтузиазмом в голосе сказал Фитц. – Собственный театр.

– Я... О нет. У меня нет собственного театра. Пока мы просто выступаем в местном баре. – Это прозвучало жалко даже для его собственных ушей. – Но мы скоро будем предлагать занятия. Люсинда хочет, чтобы мы провели несколько занятий здесь, в «Обходном решении», в качестве поощрения для участников – ну, знаешь, навыки импровизации для бизнеса или что-то в этом роде.

– Круто. – Фитц бросил на него задумчивый взгляд, его карие глаза сузились. – Но тебе правда стоит подумать о том, чтобы обзавестись собственным театром, в котором тоже будет место для занятий. Вот где настоящие деньги.

Ха. Деньги. Настоящие деньги в комедии были только на самом верху, где места хватало лишь для немногих избранных. Именно туда стремилась Кензи.

– Я так не думаю...

– Плюс недвижимость, – продолжал Фитц. – Я заключил выгодную сделку на квартиру в центральном деловом районе. Сейчас мы ее ремонтируем, но это сэкономит нам кучу денег, как только мы туда переедем.

– Круто, – уклончиво сказал Джаспер, уже уходя от беседы. Он не хотел плавать в бассейне деловых разговоров. Он бы утонул. На самом деле он пытался активно игнорировать тот факт, что собирался начать преподавать на курсах, в названии которых фигурировало слово «бизнес».

– Говорю тебе, чувак. В городе все еще случаются выгодные сделки. Купи себе что-нибудь, что не ремонтировали после «Катрины», приведи в порядок, и ты в деле, – вещал Фитц, произнося это так, как будто это было так же просто, как купить сэндвич в магазине на углу. – Лучше заключить сделки до того, как этот город превратится в Остин-Ист и все арендные ставки взлетят до небес.

Джаспер поерзал.

– Спасибо, но сейчас это не обсуждается. Я только что вернулся из Лос-Анджелеса и живу с сестрой. Не могу покупать недвижимость.

– А подробнее?

Фитц вытащил телефон из заднего кармана брюк.

– Возможно, я знаю одно место. Один из моих клиентов смотрел его, но в итоге выбрал другое, а у меня осталась информация. – Он сосредоточенно полистал телефон. – Черт, я, должно быть, заархивировал ее, но я найду электронное письмо и отправлю тебе. Дай-ка мне свой номерок.

Джаспер взял предложенный Фитцем телефон и вбил номер, хотя в этом не было никакой необходимости.

Собственный театр? Идея была настолько нелепой, что не стоило даже позволять мозгу обдумывать эту мысль. Черт подери, он разливал людям кофе и жил у Гретхен. У него никогда не было ничего, кроме подержанной машины. И даже если бы у него были деньги, он не смог бы вести бизнес. Он вылетел из колледжа на третьем семестре из-за математики. Так что это неудачная идея. *Мозг, отвернись.*

Но эта идея все равно засела в голове, как танцовщица в Вегасе в блестящем золотом бикини – блестящая и сексуальная, такая, на которую невозможно не обратить внимания. *Эй, сладкая, повеселимся? Разве владение собственным театром не утрет нос всем тем, кто говорил, что ты на это не способен? Разве это не отличный способ привлечь внимание высшей лиги?*

Мозг. Заткнись.

Джаспер вернул телефон Фитцу.

– Спасибо, но на самом деле я сейчас не в том положении, чтобы покупать недвижимость. – Он откашлялся и ткнул большим пальцем в сторону кофейного бара. – Живу актер-

ской жизнью во всех смыслах этого слова. Но я могу приготовить тебе отвратительный эспрессо.

Темные брови Фитца взлетели вверх.

– Так ты новый бариста?

Джаспер ухмыльнулся.

– К твоим услугам. Давай, осуди мой жизненный выбор.

Фитц рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Не осуждаю, брат. Если это то, что тебе нужно, чтобы заниматься любимым делом, то к черту всех, кто тебя осудит. Я постоянно говорю это своим клиентам. Хотите жить на рамене, чтобы накопить денег и отправиться в кругосветное путешествие? Хотите отключиться от сети, жить на ферме и разводить коз или что-то в этом роде? Действуйте. Жизнь коротка. Найдите способ не голодать и делайте свое дело.

Джаспер вернулся к кофейне, перерыв закончился.

– Ну, для начала я поработаю над тем, чтобы не умереть с голоду. – Он положил на стойку салфетку. – Что я могу тебе предложить?

– Черный кофе, два кусочка сахара, – сказал Фитц. Между его бровями залегла морщинка. Джаспер отвернулся, чтобы взять стаканчик.

– А как насчет инвесторов? – спросил Фитц.

Джаспер достал из грелки графин и налил темно-черный кофе с одновременно восхитительным и удручающим ароматом. Это был его личный запах неудачи.

– Что ты имеешь в виду?

– Если нет средств, чтобы открыть собственный театр, как насчет того, чтобы привлечь инвесторов? Я имею в виду, что это было бы трудно продать ВК. – Когда Джаспер бросил на него непонимающий взгляд, Фитц пояснил: – ВК. Венчурные капиталисты¹³. Как правило, они не слишком любят вкладывать в искусство. Рост слишком медленный и в данном случае слишком локальный. Но ты мог бы найти несколько инвесторов-ангелов. Местных жителей, которые заботятся об искусстве и развлечениях города. Они получили бы некоторую долю в компании, а взамен дали бы тебе немного денег, чтобы начать с нуля, сделать ремонт и тому подобное.

Джаспер покачал головой, насыпая сахар в кофе.

– Ты спятил. – Он повернулся и поставил стакан на стойку перед старым школьным товарищем. – Кто захочет инвестировать в какую-то разношерстную импровизационную труппу, о которой никогда и слыхом не слыхивал?

– А вы хороши? – спросил Фитц, пронзая Джаспера вызывающим взглядом.

– Мы вне конкуренции, – без колебаний сказал Джаспер. Труппа «Да здравствует Да» была действительно хороша. В этом он никогда не сомневался. Он скучал по их непринужденной харизме с той минуты, как переехал в Калифорнию с Кензи и попытался присоединиться к другим труппам. – Но мы выступаем в крошечном баре на задворках, и это –

¹³ Венчурный капиталист – лицо, осуществляющее венчурные вложения, то есть рискованные вложения, но обладающие доходностью выше среднего уровня.

всего лишь одно маленькое шоу в большом городе, переполненном развлекательными заведениями. Люди приезжают в Новый Орлеан не в поисках импровизации. Они приезжают за выпивкой, музыкой и едой. Может быть, не откажутся от бурлеска или позднего завтрака между ними. Это не Лос-Анджелес, не Чикаго и не Нью-Йорк.

Фитц оперся мускулистыми руками о стойку.

– К черту. Ты говоришь о старом Новом Орлеане, том, в котором мы выросли. Ты хоть смотрел по сторонам в последнее время? Идет вторжение. В Декейтере есть заведение, где продают только тосты с авокадо. Двадцать разных видов. Пройдись по улицам – там людей с «Грин Джус»¹⁴ больше, чем ураганов. Через две двери отсюда есть магазин виниловых пластинок. Сюда понаехали хипстеры и жители Западного побережья в поисках дешевой недвижимости и крутого дерьма. Оглянись! – Он махнул рукой в сторону первого этажа и людей, работающих за «горячими» столами. – Думаешь, эти люди хотят каждый вечер смотреть бурлеск или напиваться в одной из туристических забегаловок на Бурбоне?

– Хоуи, вон тот парень с галстуком-бабочкой, определенно увлекается бурлеском, – серьезным тоном сказал Джаспер. – Могу поспорить, частенько ходит.

– Держу пари, это просто привычка. – Фитц фыркнул и отхлебнул кофе. – Ты знаешь, что я имею в виду. Ты дашь им

¹⁴ «Грин Джус» – популярный напиток для похудения, изготовленный из натуральных растительных ингредиентов.

спокойный, непринужденный театр с великолепной импровизацией, которую исполняют люди их возраста, добавишь несколько вариантов крепких напитков и получишь настоящий бизнес.

Джаспер выдохнул.

– В твоих устах звучит просто. Но ты забываешь ту часть, где у меня нет денег. И никаких связей.

– Ну и что?

– Фитц...

– Слушай, а как насчет этого? Поработаешь над тем, чтобы создать шумиху вокруг своей труппы – привлечешь законодателей моды, инфлюенсеров и блогеров, затем соберешь несколько видеороликов, хорошее деловое предложение, и, держу пари, я смогу помочь тебе заполучить инвесторов. У тебя нет связей, но у меня они есть. – Он бросил слова так, словно это было пустяковое предложение, но на самом деле это было что-то большое, *колоссальное*.

– Что? Зачем тебе это?

Фитц снова отхлебнул кофе и пожал плечами.

– Почему бы и нет? Ты дружил со мной, когда все остальные относились ко мне так, как будто я больной. И приемные дети должны заботиться друг о друге. Мы не получаем выгоды от семейных связей. – Он поставил свою чашку. – Кроме того, мои клиенты – люди нашего возраста, которые хотят инвестировать в стартапы. Некоторые из них – местные жители, которые хотят стать частью новой городской сцены.

Мне это тоже могло бы помочь. Конечно, я не могу ничего обещать, но если сможешь поднять шумиху и составить бизнес-план с какими-то цифрами, я мог бы передать его некоторым людям.

Цифры. Бизнес-планы. Эти слова заставили Джаспера содрогнуться от страха. Он уставился на давнего приятеля.

– Фитц, ты сумасшедший.

– И?

Джаспер застонал, выражение лица его старого друга слишком напоминало лабрадора-ретривера, чтобы просто отвернуться и прекратить разговор.

– И я подумаю об этом.

Фитц поднял руки над головой, как будто обрадовался успешному голу на поле.

– Потрясающе. Джаспер Андерсон с нами!

Джаспер подавился смехом.

– Теперь – Джаспер Дирс. И ты зря сказал, что я «с вами». Я не чувствую себя комфортно рядом с тобой. Мне жаль, что это партнерство должно закончиться не начавшись.

Фитц отмахнулся.

– Иди к черту, Джас. К концу дела ты полюбишь меня.

– Ой, Фитц, не строй из себя. Тебе не нужно покупать мою любовь одолжениями, – поддразнил он. – Просто наличными намного проще.

Фитц сунул руку в карман, а затем бросил на прилавок два четвертака и таблетку от кашля.

– Этого должно хватить.

– Ха, – одобрительно кивнул Джаспер. – Будь осторожен. Если я увижу, что ты хоть на что-то годишься, я вытащу твою задницу на сцену вместе с нами.

– Черт возьми, нет. Эта импровизационная фигня просто ужасает. – Фитц схватил банку с сахаром и добавил еще немного в свой кофе. – Но мне нужны билеты на шоу, чтобы я мог увидеть вашу трупку в действии. Мне нужно знать, что я помогаю продвигать. Если вы – отстой, я умываю руки.

– Я скину тебе несколько дат и оставляю охраннику твое имя. Приходи когда захочешь.

Джасперу надо было заткнуться. Этого не могло быть на самом деле. Фитц впаривал ему недвижимость на берегу океана в Аризоне¹⁵. Кто захочет вложить в него деньги? Заплатить несколько баксов, чтобы увидеть, как он ведет себя как идиот на сцене и смешит людей? Конечно. От такого не откажутся. Убедить бизнесменов в том, что эксцентричный чувак, бросивший колледж из-за того, что не смог сдать экзамен по математике, способен распоряжаться их деньгами и вести бизнес? Да ни за что на свете!

Он не стал бы вкладывать в такого деньги. Как он мог ожидать, что другие люди захотят их вложить?

Черт, он даже не смог уговорить женщину наверху доверить ему приготовить ей кофе.

Джаспер пообещал Фитцу, что напишет ему, но когда у

¹⁵ Аризона не имеет выхода к океану.

него закончилась дневная смена, он поклялся выбросить эту нелепую идею из головы.

Ему надоело каждый раз оказываться в тупике.

Глава третья

– Тебе не нужен новый офис. Ты не можешь отказаться от своего плана.

Прежде чем ответить на расстроенные слова своего лучшего друга Кэла, Холлин прижала телефон к плечу и сунула в духовку замороженную пиццу, захлопнув ногой дверцу.

– Это не значит отказываться от плана. Я просто больше не уверена в том, что это рабочее место мне подходит. Да и расходы великоваты. В Метэри¹⁶ есть место подешевле.

– *Чертovski* паршивый способ, – сообщил Кэл, и у него начался один из его обычных словесных тиков. – Ты трусишь. *Станция паники*.

Ее брови поползли вверх. Она настолько привыкла к тикам Кэла, что воспринимала их как фоновый шум, но этот привлек ее внимание.

– Станция паники? Что-то новенькое.

Он хмыкнул.

– Да, это песня Muse¹⁷. Отличный рифф. И *станция паники* моего мозга явно считает, что это отличное название.

¹⁶ Метэри – часть столичного региона Нового Орлеана, крупнейшее сообщество в округе Джефферсон и пятое по величине место, определенное переписью (CDP), в США.

¹⁷ «Станция паники» («Panic Station») – песня английской рок-группы Muse, 2013 год.

Чертовски отличное.

Кэл любил музыку и играл на соло-гитаре в местной группе в Батон-Руже¹⁸, где заканчивал магистратуру по цифровым медиаискусствам и инженерии в Луизианском университете. Музыка всегда давала ему некоторое облегчение от синдрома Туретта, но побочным эффектом было то, что он часто подхватывал словесные тики из текстов песен. Он должен был быть осторожен с тем, что слушает. На третьем курсе он заработал на несколько месяцев нервный тик с хоки-поки¹⁹.

– Сейчас это звучит странно к месту. Кажется, я езжу на поезде до станции паники каждый день, когда отправляюсь в «Обходное решение». – Она достала из холодильника бутылку соуса табаско и банку газированной воды. – И я не трушу. Я просто не уверена, что для меня имеет смысл проходить через это каждый день. Это отвлекает от реальной работы. «Обходное решение» может оказаться просто слишком большим скачком.

– О, только не нужно нести мне эту *чертовскую чушь*, – уныло сказал Кэл. – Ты любишь свой офис на *станции паники*. Плюс вы с Мэри Ли придумали этот план не просто так. Это следующий логический шаг. Ты не должна удивляться

¹⁸ Батон-Руж – город на юго-востоке США, столица и второй по количеству населения город штата Луизиана.

¹⁹ Хоки-поки (или хоки-кокей) – популярная песня и танец с характерной мелодией, хорошо известна в англоязычных странах.

тому, что люди начинают заводить с тобой разговоры. Это *чертовски здорово*. Они обращаются к тебе, потому что ты там уже давно, а людям нравится знакомиться со своими коллегами. Это позитивный момент. Тебе нельзя возвращаться к работе из дома. Иначе ты в конечном итоге вернешься на круги своя. Или, что еще хуже, вернешься домой.

На круги своя. Она с самого начала не хотела об этом думать. И особенно ей не хотелось думать о возвращении домой.

– Я обещаю, что не вернусь к тому, какой я была. Теперь я по крайней мере три вечера в неделю выхожу за материалами для постов Миз Поппи, – сказала она, выстукивая пальцами свой привычный счет. – Я обещаю, что не стану затворницей.

Но слова прозвучали не так убедительно, как она надеялась. Почти год назад она решила обратиться за онлайн-терапией к Мэри Ли, когда поняла, что целый месяц не выходила из дома, за исключением нескольких заданий Миз Поппи. Заказывала доставку продуктов. Еду навынос. И едва заметила, что так прошел целый месяц. Это напугало ее до чертиков.

Она не могла рисковать снова оказаться в этой ситуации. В мыслях возник образ дома, который она снимает, – с окнами, покрытыми алюминиевой фольгой, шестью кошками и стопками газет высотой до потолка. *Тьфу*. Она насмотрелась «*Накопителей*»²⁰. Она ведь даже не подписана ни на

²⁰ «Накопители» – шоу, которое с 2009 года снимает американский телеканал

одну газету. Как же у нее в итоге оказались целые стопки? К тому же у нее аллергия на кошек. И все же именно этот образ запечатлелся в ее ночных кошмарах.

– На самом деле я собираюсь кое-куда сегодня вечером, – добавила она для пущей убедительности. – Планирую.

– Это не одно и то же. Ты *чертовски хорошо* выходишь анонимно. И ни с кем не разговариваешь. Ты призрак со *станции паники*, Холлин.

– Анонимность – вот в чем весь смысл Миз Поппи, – сказала она, теряя терпение от этого разговора. Намерения Кэ-ла были благими, но она была не в настроении подвергаться диванному психоанализу. Для этого у нее была Мэри Ли. – Никто не знает, кто я такая, поэтому я получаю тот же опыт, что и любой прохожий с улицы. Я могу провести законную проверку.

– Это понятно. Но это не значит, что ты анонимна в своей реальной жизни, – твердыми словами, но мягким тоном возразил он. – Ты говорила, что собираешься в «Обходное решение», чтобы знакомиться со случайными людьми, *роллинг стоун*, привыкнуть к общению, может быть, завести друзей. Предполагалось, что это поможет тебе подготовиться к собеседованиям и работе где-нибудь в офисе на полный рабочий день. Прятаться в своем кабинете и молиться, чтобы никто с тобой не заговорил, – или, что еще хуже, уйти – не значит продвинуть дело.

– Кэл.

– Ты знаешь, я люблю тебя и не хочу, чтобы ты нервничала, но единственный способ преодолеть свою фобию общения с людьми – это *разговаривать с ними*.

– О, и это все? – спросила она, ее сарказм достиг высшей точки. – Вау, так суперпросто, доктор Кэл. Хорошо, давай я так и сделаю. Я никогда не думала о том, чтобы по-настоящему разговаривать с людьми. Гениально!

Он застонал.

– Не пытайся оттолкнуть меня. Это *чертовски плохо* на меня действует. Я только хочу сказать, что тебе не нужно прятаться от людей. Если ты нервничаешь, просто скажи им: «О, простите, у меня *станция паники*, то есть синдром Туретта». Ты удивишься, насколько крутыми могут быть люди. Нам уже не по восемь лет, и мы больше не на *чертовски хорошей* детской площадке. Ни кто не собирается тебя обзывать. Люди не собираются причинять тебе боль.

Она вздрогнула, ужасные воспоминания попытались просочиться в ее мозг, как ядовитый туман. Она покачала головой и открыла крышку стакана.

– Если я скажу это людям, они будут видеть только это. Я не хочу быть «той самой цыпочкой с нервными тиками».

– Холлс, ты – та самая цыпочка с тиками. Точно так же, как я – тот самый громкий чувак, который выпаливает случайные слова. Это не значит, что это все, чем мы являемся. Ты также – *роллинг стоун*, великий писатель, фантастиче-

ский рецензент и хороший человек. Я – явно рок-бог. У всех нас есть свои кресты, которые мы должны нести.

Она рассмеялась.

– Рок-бог?

– Очевидно. Я лишь говорю, что нужно дать людям шанс не быть придурками. – Он выпустил целую вереницу адских слов и прочистил горло. – В худшем случае ты столкнешься с несколькими придурками. Ну и что? Они не стоят твоего времени. Но прямо сейчас ты – *роллинг стоун на станции паники*, и ты отравляешь целую лужайку, убивая все потенциальные цветы лишь для того, чтобы избавиться от нескольких сорняков.

Холлин запрокинула голову и уставилась в залитый водой потолок, слыша слова, но не веря, что сможет их реализовать. Кэл понимал ее ситуацию на стольких уровнях. Они дружили с тех пор, как познакомились в детской терапевтической группе. Но Кэл никогда не отличался застенчивостью. Вероятно, потому, что не было никакой возможности скрыть его версию Туретта. У нее никогда не было словесных тиков, кроме нескольких откашливаний и жужжащих звуков. Подергивающиеся мышцы она иногда могла скрыть волосами, набросив их на лицо, или отвернувшись, или притворившись, что чихает. Плюс ко всему ее мать забрала ее из школы и отправила на домашнее обучение, когда дразнилки стали невыносимыми. Кэлу, с другой стороны, приходилось иметь дело со школьными хулиганами.

– В твоих словах есть смысл, – сказала она наконец и отхлебнула напиток. – Но это не так просто. Рассуждая логически, я понимаю, что мои коллеги не будут смеяться или подшучивать надо мной. Но мое тело считает иначе. Если меня вытягивают в разговор с кем-то, слова просто застревают, и я паникую. А потом начинаю нервничать и становлюсь еще более застенчивой, и это порочный круг. – Она вздохнула. – Видел бы ты меня сегодня с тем парнем. Я думаю, мое тело скорчило все гримасы, которые только могло. Он, наверное, думает, что я самая большая стерва. Или, возможно, бесноватая. Наверное, он перекрестился, когда вышел из моего кабинета.

Кэл фыркнул.

– А, так ты втюрилась в этого парня.

– Что? – Она выпрямилась и поставила напиток на кухонный стол. – Я этого не говорила.

– Ты *чертовски хорошо* не говорила. Я видел, какой ты становишься, когда тебе нравится парень. *Станция паники*. Я помню. Вот как я понял, что для меня *чертовски безопасно* пригласить тебя на свидание. Худшее, *бесстрастное лицо*²¹ на свете.

Она застонала и проверила пиццу. Они с Кэлом встречались год после окончания средней школы. Ну, сразу после того, как он окончил среднюю школу, а она получила аттестат об общем образовании. Она любила Кэла и чувствовала

²¹ «Бесстрастное лицо» («Poker Face») – песня исполнительницы Леди Гага.

ла себя с ним комфортно. Сойтись с ним казалось правильным решением. Но через год отношений и одной потерянной девственности они решили, что слишком молоды для чего-то серьезного и им лучше остаться друзьями. С тех пор все оставалось по-прежнему.

– Заткнись. По крайней мере, я не начала снова и снова повторять: «Сексуальная задница»²². Ты тоже был не совсем деликатен.

Она почти слышала, как Кэл ухмыляется на другом конце провода.

– А может, я нарочно *бесстрастное лицо* это повторял. Это привлекло твое внимание. Но не меняй тему. Ты явно не прочь взглянуть, боксеры или трусы носит этот парень. Или боксерские трусы. Или, может быть, *роллинг стоун*, вообще ничего не носит.

Холлин мельком представила Джаспера в одних очках и черных боксерских трусах. По коже снизу вверх прокатилась волна тепла.

– О боже мой, – сказала она, снова захлопывая духовку и виня ее в распространившейся по телу горячей волне. – Не усугубляй ситуацию. Я ведь и так даже не могу с ним поговорить. А уж представлять его голым... это определенно не обсуждается.

²² «Сексуальная задница» («SexyBack») – песня американского певца Джастина Тимберлейка, первый сингл с его второго сольного альбома FutureSex/LoveSounds.

Гольй Джаспер на столе.

Мышцы стянул взрыв лицевых тиков.

Проклятье. Она отогнала слишком явный образ и попыталась успокоиться.

– Угу. Конечно, – сказал Кэл. – Он тебе совершенно не нравится. Ты только что *чертовски хорошо* вздохнула? Представляешь этого чувака голым, а?

– Кэл, – предупреждающим тоном произнесла она. – Мы не школьники на вечеринке. Мы встречались раньше. Теперь ты не имеешь права задавать мне эти вопросы.

– Это мелочи. Послушай, я только хочу сказать, что ты должна, *станция паники*, вернуться завтра на работу и просто объяснить парню, что случилось. *Бесстрастное лицо*. Просто скажи ему: «Послушай, извини, я вчера показалась тебе грубой. Я не всегда могу контролировать лицо и тело. У меня синдром Туретта, но давай начнем сначала. Я *чертовски хорошая* Холлин, и вчера я вела себя странно, потому что представляла, как делаю с тобой *чертовски грязные* вещи. Хочешь, сходим куда-нибудь выпить после работы, и я тебе все расскажу?»

– Кэл!

– Шучу. – Он рассмеялся. – Скажи ему все, кроме *чертовски грязной* части. Прибереги это для того момента, когда вы пойдете выпить.

– Вероятность того, что это произойдет, равна нулю.

– Ладно, хорошо. Не приглашай его на свидание. Не хо-

чешь – не разговаривай с ним больше никогда. Но, пожалуйста, не отказывайся от своего офиса и своего плана, – сказал он, посторонние слова в его речи ненадолго исчезли, это означало, что он очень увлечен тем, что говорит. – Меня тревожит, что ты все время одна. Тебе неудобно работать в этом месте. Я понял. Но это – прогресс. Ты никогда не станешь лучше общаться с людьми и не добьешься того, чего хочешь, если не будешь продолжать делать хотя бы небольшие шажки.

Она поморщилась.

– Что? Ты теперь тоже мой психотерапевт?

– Нет, Холлс, – мягко сказал он. – Я твой друг. Ты слишком умна и талантлива, чтобы никто, кроме меня и твоих родителей, никогда *бесстрастное лицо* не полюбил тебя.

У нее перехватило дыхание.

– Ты не можешь быть счастлива, постоянно находясь в одиночестве на этой *станции паники*, – продолжил он. – Не с кем тусоваться. Некому тебя обнять. Ты знаешь, что тактильный голод – это вполне себе реальная вещь? Мы можем умереть от недостатка прикосновений.

– Не драматизируй.

– Я серьезно.

Она сидела на кухонном табурете, и тяжесть его слов буквально давила на нее.

– Я знаю. Я в порядке. Правда. – Дополнительный акцент прозвучал напряженно даже для ее уха. – Пожалуйста, не

беспокойся обо мне. Я всю жизнь одинока. Я не знаю, каково это – быть другой. Это просто моя норма. У меня никогда не было светской жизни, так что я не скучаю по ней.

Это была одна из причин, по которой она так часто мечтала о городской жизни и одержимо смотрела телешоу и фильмы, действие которых происходило в больших городах. Возможность быть анонимной в толпе, где никто не будет на нее коситься, потому что вокруг слишком много лиц, на которые можно смотреть, слишком много необычных зрелищ. Ей не нужна толпа друзей. Ей просто нужно дойти до того момента, когда она сможет пройти собеседование при приеме на работу, держать себя в руках в рабочих разговорах и не паниковать на каждом шагу.

Кэл выдохнул.

– Мы можем скучать по вещам, которых у нас ни когда не было, Холлс.

Пустая боль пронзила ее, и она закрыла глаза.

– Я в порядке. Честное слово. У меня есть место, где я могу жить и работать, и мне это нравится. Я зарабатываю достаточно денег, чтобы оплачивать счета, и у меня даже немного остается. Это больше, чем могут сказать многие люди в моем возрасте.

– Хорошо, – с ноткой усталости в голосе сказал он. – Но, *станция паники*, обещаю тебе, что ты пока не оставишь «Обходное решение», ты дашь ему еще один шанс? Не позволяй одному неудачному общению с коллегой заставить тебя по-

кинуть офис. Это просто парень. Не давай ему такой власти в своей жизни.

Она глубоко вздохнула, страх перед возвращением и завтрашней встречей с Джаспером тревожил ее, но она нутром чувствовала, что Кэл прав. Она придумала этот план не просто так. Она не хотела возвращаться к началу. И не хотела бежать домой. Она потерла рукой лоб, чувствуя, как начинает болеть голова.

– Я обещаю.

– Хорошо, – с явным облегчением сказал Кэл. – И я собираюсь поддержать тебя в этом. Через несколько недель я приеду в *чертовски классный* Новый Орлеан. Чтобы обнять тебя. Чтобы потусоваться. Чтобы напоить тебя, чтобы мы могли вместе принимать *чертовски плохие* решения. И в рамках этой поездки я также рассчитываю получить полную экскурсию по твоему офису, потому что *ты все еще будешь там работать*.

Мысль о том, что Кэл приедет в город, немного подняла ей настроение.

– Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты – очень властный друг?

– Нет, просто рок-бог, но я могу с *бесстрастным лицом* добавить это к своей визитной карточке.

Она закатила глаза.

– Пока, Кэл.

– Пока, моя трусишка со станции паники.

– Погоди, – сказала она, прищурив глаза. – Это был не тик. Он со смешком закончил разговор.

Холлин покачала головой и встала, чтобы вытащить ужин из духовки. До ухода оставалось всего несколько минут. Сегодня вечером ей нужно было проверить два места. Самая загруженная часть ее рабочей недели обычно приходилась на период с четверга по субботу, и она хотела собрать как можно больше материала.

Она с нетерпением ждала сегодняшнего вечера. Первым в ее списке числилось драг-шоу в стиле восьмидесятых, о котором она много слышала. Но разговор с Кэлом оставил осадок.

Главным образом потому, что он был прав. Она ненавидела, когда он оказывался прав. Неважно, насколько неловко было бы снова встретиться с Джаспером: она не могла отказаться от того, ради чего так упорно трудилась. Получение офиса в «Обходном решении» было для нее огромным достижением. Это на шаг приближало ее к той жизни, о которой она мечтала. Она не хотела работать за этим маленьким кухонным столом или, что еще хуже, вернуться в родной город к благонамеренной, но беспокойной матери. Ей нравилось, что по утрам у нее была причина вылезти из пижамы. Это было похоже на прогресс. Она приосанилась, как будто снималась в одном из видеороликов по йоге на Ютьюбе, и дала себе клятву. Завтра она вернется в «Обходное решение» и закажет Джасперу чертов кофе без кофеина. Если сможет,

она извинится. Если нет, он будет считать ее грубиянкой.

Она должна это сделать.

За ужином она вытащила дневник и нацарапала на новой странице заголовок. *Дни без панических атак*. Нарисовала первый квадратик и понадеялась, что завтра сможет поставить в нем крестик.

Глава четвертая

Джасперу не следовало просматривать информацию о выставленном на продажу театре, которую Фитц отправил ему по электронной почте. Черт подери, он абсолютно точно сошел с ума. Надо было бросить телефон в кофемолку. Он щелкнул по фотографии того, что в двадцатые годы было театром водевиля, а в девяностые – кинотеатром с единственным залом и билетами за доллар, но с тех пор его закрыли и оставили пустовать. Ну, в объявлении было написано «бывший долларовый кинотеатр», но, вероятно, это означало «бывший дворец порнографии». Та часть города, в которой он находился, едва начала превращаться в район, по которому можно ходить после наступления темноты, не рискуя угодить в ночные новости. Первые несколько лет своей жизни он провел в квартире неподалеку.

Джаспер увеличил изображение, пытаясь разглядеть больше деталей. Заведение определенно было запущенным. Стивен Кинг мог бы снять о нем фильм. Но в здании сохранились некоторые оригинальные детали с декоративной лепниной и арочный вход. Не Сэнгер²³, конечно. Во-первых, по сравнению с ним это – коробка из-под обуви, но у нее есть шансы стать довольно крутой коробкой, если ее отремонти-

²³ Сэнгер – атмосферный театр в центре Нового Орлеана, который внесен в Национальный реестр исторических мест.

ровать. И еще есть место наверху, которое можно использовать для офисов или занятий. Он прокрутил страницу вниз для получения дополнительной информации.

Цена была указана ярко-синим цветом. Он застонал.

– Етить-колотить!

– Эм-м, – кашлянул кто-то.

Джаспер оторвался от наваждения, которое соткал вокруг него телефон, и обнаружил, что смотрит в широко распахнутые зеленые глаза мисс Занята. Телефон выскользнул из руки и с грохотом упал на стойку.

Она вздрогнула и посмотрела вниз, грива волос заслонила лицо.

– Прошу прощения, – сказал он, убирая телефон. – Эм-м, привет. Что я могу предложить?

– Холланд²⁴, – не глядя на него, невнятно сказала она.

Он склонил голову набок.

– Голландия? Это разновидность кофе или мы называем страны? Я выбираю Данию.

Она взглянула на него и наморщила нос.

– Нет. *Холлин*. Мое имя. А Голландия на самом деле – это регион, а не страна. Страна – Нидерланды.

– О. – Он кивнул, пытаясь понять: она все еще злится или это своего рода оливковая ветвь. – Обязательно учту в следующий раз, когда окажусь на «Джеопарди»²⁵!

²⁴ Holland (англ.) – Голландия.

²⁵ «Джеопарди» – американская телевизионная игра-викторина.

– Это просто... ты хотел узнать мое имя, и я была... – Она тяжело вздохнула, на ее лице появилось кислое выражение. – Я вчера тебе нагрубилa. Мне очень жаль.

Холлин. Тайнственную женщину звали Холлин. И она извинилась. Неловко.

Он улыбнулся. Ее подход «давай покончим с этим» был довольно милым.

– Не беспокойся. Я знаю, что в некотором роде потряс тебя. Я тоже не люблю, когда меня прерывают во время просмотра порно.

Она съежилась.

Заткнись, тупица. Перестань говорить о порно. Перестань пытаться быть смешным.

– Это был спам. – Она заправила волосы за левое ухо и издала негромкий гудящий звук, другой рукой нетерпеливо постукивая по узору на стойке. Ее лицо наполовину нахмурилось. Очевидно, он произвел на нее чертовски сильное впечатление.

– Прости. Я пошутил. Есть у меня такая склонность, – пояснил он. – Я правда не думаю, что обувь – твой фетиш.

– Пожалуйста, кофе без кофеина со льдом, – сказала она, игнорируя его комментарий и глядя не на него, а на доску меню за его спиной. – Цельное молоко. Один кусочек сахара.

Будь у него белый флаг, он бы поднял его и помахал им.

– Понял, – сказал он и направился к припасам. Покосился на нее, роясь в холодильнике, пытаясь наблюдать за ней

так, чтобы она этого не заметила. Но она повернулась к нему спиной и занялась телефоном.

Значит, все в порядке.

Она извинилась, но холодное отношение осталось.

Ему нужно остановиться. Она не хочет быть дружелюбной. Ее право.

Он налил кофе и увидел то, что она просматривала, узнав логотип. Один из его любимых сайтов – блог Миз Поппи на «*Атмосфере НОЛЫ*». Он увлеченно читал рецензии и развлекательные статьи Поппи. Даже в Лос-Анджелесе следил за ее постами. Иногда он делал это, потому что скучал по дому или хотел узнать, какие фильмы посмотреть, но в основном он читал это ради юмора. Отрицательные отзывы Миз Поппи были настолько полны сарказма, что он немного запал на нее. В том смысле, как можно запасть на незнакомого человека в Интернете.

– Люблю ее, – выпалил Джаспер.

Здорово. Теперь она знает, что он подсматривал в ее экран. Снова. Она вскинула голову, но не повернулась.

– В самом деле?

– Да. Моя подруга некоторое время назад показала мне эти посты в «Атмосфере НОЛЫ», потому что мне нравится знать, чем круто заниматься в городе. Но в итоге я отыскал оригинальный блог и прочитал всю ее коллекцию обзоров фильмов. Это было большое дело, потому что она занималась этим годами, но она всегда меня смешит.

– Здорово.

Это был холодный тон «теперь оставь меня в покое», но он, казалось, не мог перестать разговаривать с этой женщиной. Ребенок с СДВГ²⁶ прорывался наружу, стоило ему утратить бдительность.

– Видела ее пост на днях? Тот, где она назвала того претенциозного чувака и его фанк-поп-группу «провальной попсой»? Это было круто.

Ее плечи немного опустились, но она стояла к нему спиной и продолжала листать телефон.

– Я слышала, солист отправил ей хейтерское письмо. И комментарии тоже убойные.

Джаспер наклонился вперед, заинтригованный хриплыми звуками ее голоса. Ее слова больше не звучали отрывисто.

– Я сомневался. Но послушал несколько песен после статьи и, черт возьми, не думаю, что кто-нибудь может назвать это музыкой. Миз Поппи написала правду.

Холлин закрыла веб-браузер на телефоне и обернулась. Ее губы были плотно сжаты, как будто она сосредоточилась. Или была раздражена.

Он поставил на стойку ее кофе, а затем положил рядом свой телефон.

– Знаешь, если ты позже будешь слишком занята и тебе понадобится вторая чашка, ты можешь написать мне свой заказ. Я подойду или пошлю кого-нибудь наверх.

²⁶ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Ее взгляд метнулся вверх, встречаясь с его взглядом.

– Правда?

Он понятия не имел, почему предлагает это. Он больше никому не предлагал услуги доставки.

– Конечно. Никаких проблем.

Она протянула руку и взяла его телефон, набрала свой номер и отправила сообщение. Телефон в другой руке зажужжал. Она положила его на стойку и взяла свой кофе.

– Спасибо, Джаспер.

– В любое время, мисс Занята. – Она сморщила нос. – Извини, – быстро сказал он. – Просто шучу.

Она покачала головой.

– Это не... Не важно. Спасибо за кофе.

– Пожалуйста, маленькая леди.

Маленькая леди? Что, черт возьми, это было?

Она скорчила еще одну гримасу и быстро отвернулась.

Гладко, Дирс. Он потер переносицу. С каких это пор он разучился разговаривать с женщинами? Он был мастером импровизации. Он был сообразителен. Он превосходно умел неагрессивно флиртовать. Это было одно из его любимых развлечений.

Но каким-то образом эта женщина Холлин и ее явное неодобрение превратили его в неуклюжего чувака, разговаривающего в манере ковбоя из пятидесятых.

Вероятно, она уже добавила его в свой список контактов, с которыми больше никогда не собиралась беседовать.

Кто мог ее за это винить?

Но три часа спустя Джаспер получил сообщение с неизвестного номера.

Это Холлин. Очень горячий кофе без кофеина, пожалуйста, с одним кусочком сахара. Спасибо.

Да, она его явно избегает. Он никогда больше не заговорит с ней. *Так держать, Дирс.* Он уставился на свой экран. Надо просто оставить все как есть. Не всем он должен нравиться. Не все должны быть его друзьями. Но его пальцы задыгались прежде, чем он успел закончить мысль.

Джаспер: Кофе без кофеина попросил не превращать его в объект. Он предпочитает, чтобы его называли прекрасным, слегка сладковатым кофе без кофеина.

Джаспер застонал от собственной неудачной шутки. Теперь женщина пожалеет, что дала ему номер телефона. Маленькие точки появились на его экране, затем исчезли, но тут же возникли снова.

Холлин: Я прошу у него прощения. Наверное, мне следует воздержаться от просьбы о чем-то столь грубом, как взбитые сливки сверху.

Джаспер выдохнул и улыбнулся. Значит, у нее все-таки есть чувство юмора. *Это приятно.*

Джаспер: Он официально возмущен. Он пишет заявление Эллен в отдел кадров.

Холлин: Все ответы на это сообщение, которые приходят мне на ум, в самом деле привели бы меня в отдел кадров. Так что я просто скажу тебе спасибо.

Его брови поползли вверх. *Даже так.*

Джаспер: Теперь я шокирован. Расскажи мне!

Холлин: *гифка с Тиной Фей²⁷, застегивающей губы на молнию*.

Джаспер положил телефон. Он улыбался, но был совершенно сбит с толку. При личном общении Холлин вела себя так, словно едва могла его выносить. При текстовом общении она была другим человеком. И, черт возьми, она прислала гифку с изображением одного из его кумиров-импровизаторов и смогла подыграть шутке.

Ему нужно быть осторожным. Он мог пройти мимо красивого тела, красивого личика или сексуальной улыбки, но остроумные женщины были его криптонитом²⁸. Последнее, что ему было нужно, – подцепить кого-нибудь на работе, а потом каждый день подавать ей кофе после того, как дело сделано. Потому что он определенно не собирался ни с кем встречаться. Сейчас у него был только один любовный инте-

²⁷ Тина Фей – американская актриса, комедиантка, сценарист, продюсер и писательница.

²⁸ Криптонит – вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, фигурирующее во вселенной DC Comics. Криптонит знаменит благодаря тому, что является единственной немагической слабостью Супермена и других криптонцев – он способен оказывать на них воздействие, которое разнится в зависимости от цвета минерала.

рес: вернуть карьеру в нужное русло. Отношения были для него слишком большой роскошью. Он влюблялся сильно и быстро. Мог принимать импульсивные, изменяющие жизнь решения, основанные на простом увлечении. Он усвоил это на собственном горьком опыте.

Он снова посмотрел на свой телефон и улыбнулся. Все это не означало, что небольшой флирт не может оказаться интересным. Он схватил кофейный стаканчик Холлин и ручку.

* * *

Холлин вернулась в свой кабинет из туалетной комнаты, где она вроде как пряталась от Джаспера, и обнаружила на своем столе стаканчик кофе со взбитыми сливками. Она подняла его и рассмеялась. Джаспер нарисовал сбоку лицо с моноклем и усами. Настоящий джентльменский кофе.

На нее накатила волна удовлетворения. Она сделала это. Поговорила с этим парнем. Ну и что с того, что сегодня утром для этого потребовалась таблетка успокоительного, а разговор в основном состоял из текстовых сообщений? Она все еще здесь. Она выжила.

Кэл и Мэри Ли могли бы ею гордиться.

Хотя теперь она понятия не имела, что делать дальше. Она пролистала телефон и выбрала гифку с изображением жирафа с моноклем и усами и благодарностью. Нажала «Отправить».

Это было только начало.

– С каких это пор мы получаем обслуживание на стойке регистрации?

Холлин обернулась, осознав, что не закрыла за собой дверь. Энди просунула голову внутрь и указала на кофе.

– Новый парень доставил?

Холлин чуть не выронила телефон. Сунула его в карман и попыталась небрежно пожать плечами.

– Полагаю, да.

В глазах Энди вспыхнул озорной огонек.

– Или, может быть, горячий бариста доставляет кофе только тебе?

Холлин покачала головой.

– Нет, непохоже...

Энди без приглашения вошла в кабинет Холлин и плюхнулась в кресло.

– Непохоже, что он очарователен?

– Я не говорила...

– Ха. Попалась. Да ты совсем покраснела. – Она ухмыльнулась. – Дерзай. Он кажется милым. Я могу попросить приятеля, чтобы он проверил для тебя его биографию. Знаешь, чтобы убедиться, что он достоин доверия.

Холлин все еще не до конца осознала, что Энди болтает с ней, как будто они старые подружки, наверстывающие упущенное. Ее сердце учащенно билось, она чувствовала, как пытаются подергиваться мышцы щек. Чтобы чем-нибудь за-

нять руки, она взяла кофе.

– Мне и так хорошо. Тебе что-то нужно?

Энди улыбнулась. Кажется, резкий вопрос Холлин ее не смутил.

– Ну, вроде того. Во-первых, я хотела зайти, потому что как-то глупо получилось: мы работаем через три двери друг от друга, а я не знала твоего имени. Вчера я почувствовала себя такой душой. – Она скорчила гримасу. – Иногда я так погружаюсь в собственные дела, что у меня появляется туннельное зрение, понимаешь? Так что я хотела бы это исправить.

Холлин уставилась на нее, и странное чувство охватило ее при мысли о том, что кто-то волнуется, потому что не знает ее имени. Она присела на край стола, отстукивая пальцами по бедру на счет «четыре».

– В этом нет ничего особенного. Я не представилась.

– И все же, это нехорошо. Я сняла здесь офис, потому что хотела попасть в круг творческих людей, завести друзей и поучиться у них. – Энди ткнула большим пальцем в сторону двери. – Ты видела, над чем здесь работают люди? Особенно некоторые женщины?

Холлин покачала головой и отхлебнула кофе, пытаясь унять нервный тик, что требовало от нее полной концентрации. Кончилось тем, что ей на нос попали взбитые сливки.

– Просто полистай справочник и прочитай некоторые биографии. У нас здесь есть несколько обалденных дам. И что

мы делаем?

Холлин провела пальцем по носу.

– Э-э...

– Мы проходим мимо друг друга по коридорам, говоря глупую чушь вроде «милый топик», или «доброе утро», или «что это за странный запах в комнате отдыха?». Кстати, что это за странный запах в комнате отдыха?

Губы Холлин приоткрылись.

– Эм-м...

Энди взмахнула рукой.

– Не важно. Я хочу сказать, что мы постоянно упускаем возможности.

– Возможности.

– Да. Чтобы узнать друг друга получше. Объединиться. Поучиться друг у друга. Например, чем ты занимаешься? – спросила Энди. – В нашем справочнике написано «независимый автор», но автор чего?

Холлин медленно сделала большой глоток кофе. Она могла бы это сделать. Могла бы поболтать с коллегой. *Ты умная женщина, тебе есть что сказать, черт возьми! Скажи ей, что ты проводишь обзоры местных развлекательных заведений. Расскажи, что ты анализируешь новые и старые фильмы и рассказываешь людям, почему их стоит или не стоит смотреть. Скажи, что ты пишешь аналитические статьи для онлайн-журналов.*

– Я пишу о фильмах и развлечениях.

Потрясающе. Ей светит премия «Оскар» за сумасшедшие навыки ведения светской беседы.

– Вот видишь, – воскликнула Энди, хлопнув по ручке кресла, как будто Холлин сказала что-то блестящее. – Это звучит интересно. Я хотела бы узнать об этом побольше. Вот почему я решила, что «Обходному решению» нужен собственный подкаст, и ты должна в нем участвовать.

Холлин скорчила гримасу.

– Подожди, что?

– Мы все – женщины, занимающиеся собственным бизнесом или фрилансом. У нас есть многое, что мы могли бы предложить людям. Некоторые из нас могут побыть ведущими, а затем мы можем взять интервью друг у друга и поговорить на разные темы: что значит быть женщиной, работающей в сфере фриланса или управляющей бизнесом, каково это – работать в подобном пространстве, каковы наши самые большие проблемы. Что-то в этом роде.

Холлин уставилась на нее.

– Подкаст.

– Да. Ты могла бы стать моей первой гостьей.

Холлин фыркнула и рассмеялась, не в силах сдержать вырвавшийся звук. Она прижала пальцы ко рту.

– Что? – Энди склонила голову набок, как сбитый с толку щенок.

В Энди было что-то настолько обезоруживающее, что Холлин на секунду забыла о себе, забыла, что нервничает.

– У тебя буквально нулевой шанс заставить меня выступить в подкасте. Я едва могу разговаривать с людьми в реальной жизни, а тем более с микрофоном перед лицом. Я взмокла, просто разговаривая с тобой.

Признание вырвалось из нее прежде, чем она успела сдержаться, и внутри у нее все сжалось. Она никогда не признавалась в подобных вещах незнакомым людям.

Брови Энди исчезли под прямой челкой.

– Я имею в виду, – сказала Холлин, пытаюсь прийти в себя и чувствуя нарастающее смущение. – Это...

– О боже, – сказала Энди, прикладывая руку к груди и вставая. – Прости меня. А я все продолжаю и продолжаю набрасываться на тебя с этой своей болтовней. Ты хочешь побыть одна. Вот почему ты вчера не захотела пить кофе, верно? И теперь я вторгаюсь в твой офис, как какая-нибудь мини-Годзилла, навязываю проблему.

Холлин сморщила нос, ее тики выиграли битву.

– Нет, это просто...

– Я предполагаю то, чего не должна предполагать, – кивнула Энди. – Есть у меня такая дурная привычка. Но то, что я хочу завести здесь больше друзей, не значит, что все хотят того же. Уверена, ты захотела отдельный кабинет, потому что тебе нужно уединение, а тут я такая: «*Кумбайя*²⁹, давайте все подружмся как леди-боссы».

²⁹ Kumbayah – название негритянского госпела, возникшего до XX века: искаженное Come by Here («Иди сюда»).

– Энди...

Энди направилась к двери.

– Клянусь, я больше не буду врываться. Не хочу быть тем, кто безостановочно разговаривает в самолете с человеком, пытающимся почитать книгу. – Она повернула голову и улыбнулась. – Ну, я была таким человеком. Не хочу снова такой быть. Я развиваюсь!

Энди положила руку на дверную ручку, чтобы выйти.

– Подожди. – Протест сорвался с губ Холлин. Энди повернулась и с любопытством посмотрела на нее.

– Да?

Холлин глубоко вздохнула и поставила кофе, ободренная предыдущим небольшим успехом с Джаспером и, вероятно, остатками успокоительной таблетки.

– Меня выводят из себя разговоры с незнакомыми людьми, и я никак не смогу вести подкаст, но я здесь не для того, чтобы сидеть в одиночестве. Может быть, если мы... познакомимся поближе, я не буду такой... – Она провела рукой, указывая на себя. – Такой, как каждый раз, когда мы разговариваем.

Мгновение Энди смотрела на нее, а затем легкая улыбка изогнула ее губы.

– Правда?

– Да.

Улыбка Энди стала шире, и она прижала руки к груди.

– Мы только что начали дружбу на всю жизнь? – Она кив-

нула. – Думаю, так и есть.

Холлин рассмеялась ее смелости.

– Ты из тех, кто на первых свиданиях дает имена своим будущим детям, да?

Улыбка Энди не исчезла. Она указала пальцем в сторону Холлин.

– Просто подожди. Я точно буду подружкой невесты на твоей свадьбе. Непременно. Я это чувствую.

У Холлин в груди немного распустилось что-то тугое и запутанное. Энди была слишком обезоруживающей, чтобы нервничать рядом с ней.

– Это приглашение на свадьбу может последовать очень нескоро. Я отношусь к парням так же, как и к коллегам.

Энди бросила на нее лукавый взгляд.

– Уж не знаю, мисс Получает-Свой-Кофе-С-Доставкой. Возможно, ты половчей, чем сама думаешь.

Холлин усмехнулась.

– Вряд ли.

– Посмотрим. – Энди слегка помахала пальцами. – Я позволю тебе пока оправиться от моей лобовой атаки, но скоро мы еще поболтаем.

Холлин кивнула.

– Звучит неплохо.

Энди вышла из офиса, закрыв за собой дверь и оставив Холлин с улыбкой и доставленным кофе. Она снова посмотрела на рисунок, который сделал Джаспер, и ее окутало теп-

ло, не имеющее ничего общего с кофе без кофеина.

Может быть, это наконец-то произошло. Она выставила себя на всеобщее обозрение, как ей советовали Мэри Ли и Кэл, и мир не рухнул. Энди не рассмеялась ей в лицо, когда она призналась, что нервничает, разговаривая с людьми. И Джаспер не держал на нее зла за то, что она вчера была груба с ним.

Это не средняя школа. Люди здесь не собирались проявлять жестокость, или насмеяться над ней, или причинять ей боль. Они не собирались использовать ее слабые места. Нужно не отказывать людям в презумпции невиновности и перестать предполагать худшее.

Она вытащила свой телефон из кармана и набрала:

Холлин: Еще раз спасибо за выездное обслуживание.

Мистер Красавчик без кофеина просто восхитителен. Я только чувствовала себя немного виноватой, когда пила антропоморфный кофе.

Едва нажав «Отправить», она застонала от употребления слова «антропоморфный». Кто использует такое слово, особенно в эсэмэске? С таким же успехом она могла бы продолжить с WordNerd³⁰.

Джаспер: Так будет называться моя новая кофейня.
Антропоморфный Кофе. Я приклею к стаканчикам

³⁰ WordNerd – игра, в которой необходимо находить скрытые слова и составлять слова из набора букв.

маленькие бумажные ручки и нарисую на них лица. Хипстерам это понравится. Веганы будут чувствовать угрызения совести, когда будут его пить.

Холлин: ХА

Джаспер: Я увижу тебя утром или мне следует дожидаться сообщения?

Легкое волнение охватило Холлин, и она прикусила губу. Стоит ли рисковать встречаться лицом к лицу, когда все идет так хорошо? В писательстве она намного лучше, чем в реальной жизни. Она могла бы в письменной форме перевернуть мир Джаспера. Ее пальцы зависли над экраном. Она перевела дыхание.

Холлин: Увидимся утром.

Джаспер:) Мистер Красавчик без кофеина будет ждать с нетерпением.

Улыбающийся смайлик был для нее всем. Холлин рухнула в рабочее кресло.

Черт побери.

Она флиртовала. И не умерла.

Она не знала, кем была эта ее версия самой себя, но хотела узнать о ней побольше. Может быть, сегодня вечером, отправившись на задание Миз Поппи, она попытается поговорить с кем-нибудь в баре. Она не хотела терять этот импульс или переосмысливать его.

Держа в уме этот план, она подошла к столу, поставила разрисованную Джаспером кофейную чашку так, чтобы ее

видеть, и остаток дня проработала с улыбкой на лице.

Глава пятая

Джаспер протиснулся в боковую дверь бара «Хитрая ящерица». Дверь за ним захлопнулась, рюкзак почти соскользнул с плеча. В боку засела резкая боль от пробежки, которую он совершил, припарковавшись в шести кварталах ниже по улице. Он посмотрел на часы. Сестра подарила ему эту штуку на прошлое Рождество, потому что была убеждена, что он даже не подозревает о существовании времени. В этом она ошибалась. О времени он знал. Просто не очень хорошо умел за ним следить.

После того как его смена в кофе-баре закончилась, он поехал к выставленному на продажу кинотеатру. Это не входило в его планы, но внезапно он поймал себя на том, что направляется в ту сторону, паркуется и выходит. Здание было ближе к квартире, в которой он жил со своими биологическими родителями, чем он думал. Всего в нескольких кварталах от театра было то место, где его нашли в возрасте семи лет, поймали на краже еды из круглосуточного магазина, когда он в одиночестве блуждал по улицам. Он все еще помнил страх, который испытал, когда владелец магазина схватил его за руку: он пытался выскользнуть из магазина с карманами, набитыми сникерсами. Затем – выражение жалости на его лице, когда он разглядел, каким худым был Джаспер. Вместо того чтобы отправиться в тюрьму, как это случи-

лось с матерью Джаспера годом ранее, он попал в службу защиты детей. Его родители ушли в запой, несколько дней кололись где-то героином и забыли, что у них дома ребенок, которого нужно кормить. После этого он больше никогда с ними не жил. И они не пытались вернуть его. Очевидно, дети мешали пристрастию к наркотикам.

Но район сильно изменился по сравнению с тем, что он помнил. Новые магазины и рестораны вперемешку с некоторыми старыми местами, чистые улицы и просто более позитивная атмосфера. Он обнаружил, что сидит на скамейке перед заколоченным кинотеатром, представляя кассу с висющим на ней плакатом труппы «Да здравствует Да». Очередь у двери. Имя Джаспера в качестве владельца. Что-то, что действительно принадлежит ему.

Боль, поселившаяся внутри, была опасной.

Что он умел, так это мечтать. Ранние годы, проведенные с биологическими родителями и грубыми приемными родителями, наделили его склонностью выстраивать в голове лучшие версии реальности, притворяясь, что все иначе или *могло* быть иначе. Мечтатель. Вечный мечтатель. То, через что он прошел, должно было сделать его циничным. Выросший впроголодь, он должен был стремиться к постоянной стабильной работе. Но его разум резко свернул в сторону, на другой маршрут, на котором было больше выбоин и обрывов. Он идеализировал. *Конечно*, он и его девушка могли добиться успеха в Голливуде, хотя вряд ли кому-то это уда-

лось. Конечно, однажды он мог появиться на телевидении. Конечно, их любовь была настоящей и вечной. Конечно, реальность не была реальной и не могла ему помешать.

Он как будто получил пощечину, был поражен в свое самое уязвимое место, когда провалил в Лос-Анджелесе прослушивание и получил отказ. Вернувшись домой, он поклялся, что больше это не повторится. Он не был готов отказаться от своих устремлений, но больше не собирался оставаться витающим в облаках идиотом. Он будет смотреть в оба. Будет методичным. Будет вкалывать.

Мысль о том, что он сможет привлечь инвесторов и заполнить театр, была не из приятных. Это была сказка.

Ему нужно забыть об этом дерьме и сосредоточиться на том, для чего он здесь, на что он способен. Импровизировать на сцене, погружаться в сценки, преподавать уроки за дополнительные деньги, создавать репутацию с нуля.

Но, возможно, некоторые советы Фитца могут помочь. Его труппа могла бы делать больше для того, чтобы быть замеченной, чтобы выступать лучше. Поэтому, покинув театр, он купил видеокамеру и штатив на те небольшие деньги, которые скопились у него на счету, чтобы начать снимать их выступления, как предлагал Фитц. Завтра он собирался начать кампанию в социальных сетях и попытаться привлечь на свои шоу законодателей мод.

Законодателей мод.

Твою мать.

Обычно он высмеивал это выражение. Теперь он намерен использовать его для карьеры. Он был настолько не в себе, что ему следовало купить трубку вместо видеокамеры.

Он попытался стряхнуть охвативший его ужас, поспешил в подсобку бара, которую его импровизационная труппа в шутку называла закулисем, и толкнул дверь. Остальные члены «Да здравствует Да» уже были там, шесть человек, втиснувшиеся в пространство, которое едва могло вместить четверых. Когда Джаспер вошел, все посмотрели в его сторону.

Лия уставилась на него темными глазами, а Моник вместо приветствия продемонстрировала средний палец, и он поднял, защищаясь, ладонь.

– Я знаю, знаю, – сказал он. – Извиняюсь.

– И вот он вкатывается, – бросила Даника, втирая какое-то средство для волос в свою белокурую стрижку пикси. – Всегда достаточно поздно, чтобы заставить нас поволноваться, но не настолько поздно, чтобы оправдать его убийство.

– Говори за себя, – сказал Черч, вытирая полотенцем лысину. – Я уже способен на убийство. Аж вспотел от волнения.

Джаспер закатил глаза. Вид друзей никогда не переставал наполнять его странным чувством семейной привязанности. Он чертовски скучал по ним в Лос-Анджелесе, но не ожидал, что они обрадуются его возвращению. Из-за него они потеряли концерты в Театре комедии Лагнияппе. Они долж-

ны были его ненавидеть. Вместо этого они простили его и пустили обратно. Конечно, это не означало, что они постоянно не тыкали его в то, что он их *бросил*.

– Черч, не вини меня за свои гиперактивные железы, – поддел Джаспер, бросая рюкзак на бочонок в углу и ставя на пол сумку с оборудованием для камеры. Бок пульсировал, и он прижал к нему руку, пытаясь отдышаться. – Ты и от прохладного ветерка потеешь.

– Не завидуй моему сияющему румянцу, – с ухмылкой парировал Черч, обматывая ткань вокруг шеи и глядя на Джаспера. – Кстати, о потоотделении. Ты в порядке, чувак? Выглядишь бледнее обычного. И это о чем-то говорит.

– Да, – сказал Барри, отрываясь от прокрутки своего телефона. – Выглядишь дерьмово.

Джаспер вытер лоб тыльной стороной ладони, чувствуя, что кожа стала липкой.

– Я в порядке. Пожалуй, три чашки кофе плюс пробежка длиной в шесть кварталов были не самой лучшей идеей.

Джаспер закрыл за собой дверь, заперев трупку в кисло пахнущей подсобке. Сегодня вечером все были одеты в стандартную одежду «студенческого братства». Джинсы с футболками или расстегнутыми рубашками. Они старались варьировать свои наряды во время выступлений, но подбирать их по общему тону. Сегодня был обычный вечер. Иногда они надевали черные костюмы в стиле *Братьев Блюз*³¹ (и сестер).

³¹ «Братья Блюз» (The Blues Brothers) – американский комедийный киному-

В других случаях носили скучную офисную одежду, брюки цвета хаки и поло. Он обнаружил, что смена нарядов может повлиять на то, какими в итоге получаются сценки.

– И извините, что опоздал. – Джаспер расстегнул рубашку. – Я задержался по дороге, чтобы купить видеокамеру. Подумал, что нам следует начать записывать некоторые из наших выступлений.

– Записывать? – переспросил Антонио, нанося под рубашку еще один слой дезодоранта. Татуировка в виде змеи вдоль его бока затанцевала от движений. – Зачем?

– Да, – сказала Моник, вытаскивая свою фирменную красную помаду, которая подарила ей прозвище Моник Ротик. – А как насчет эфемерной природы импровизации? Только те, кто здесь, могут это увидеть, и это шоу больше никогда не повторится?

Она произнесла это таким жутким тоном, что Джаспер фыркнул. Он стянул с себя рубашку.

– Я знаю, что говорил это раньше, но я подумал, что это может быть хорошим способом поднять шумиху, привлечь больше людей на шоу. Мы не используем социальные сети. Большая аудитория могла бы дать нам шанс подняться на новый уровень и выбраться отсюда.

– «Хитрая ящерица» недостаточно хороша для тебя, мистер Голливуд? – насмешливым тоном поинтересовалась Даника.

Джаспер вытащил из сумки свежую футболку и натянул ее через голову. Ну, хоть что-то, что не пропахло кофе.

– Ну, я в курсе, что переодевание рядом с ящиком «Егермейстера» – это чертовски гламурно, но, может быть, есть что-то немного большее.

Когда его голова высунулась из футболки, на него уставились шесть пар глаз.

Он скосил взгляд, убеждаясь, что не надел футболку с большим пятном кетчупа или чего-то в этом духе.

– Что?

Черч прищурился.

– Что ты задумал? Пытаешься привлечь агента или что-то в этом роде?

Джаспер нахмурился.

– Дело не во мне. Это делается для того, чтобы продвигать всех нас. Шоу.

– Угу, – сказала Лия. Ее ровный тон говорил сам за себя.

Он вздохнул. Было обидно, что они все еще подозревали, что он в нескольких шагах от того, чтобы снова их бросить, но он заслужил этот скептицизм.

– Так могу я снимать или нет?

Моник приподняла темную бровь и положила руку на бедро, приняв позу «Я готова к съемке крупным планом».

– Меня это устраивает. Перед камерой я выгляжу потрясающе.

Джаспер вытянул руку, случайно задев коробку с марга-

риновой смесью. Острая боль в боку все еще пульсировала.

– А остальные?

Барри встал. Он выглядел чопорно и официально, что и принесло ему прозвище «Барри из отдела кадров». Он поднял руку.

– Те, кто за, поднимите руку.

После нескольких произнесенных под нос комментариев руки подняли все.

– Спасибо, – наконец сказал Джаспер. – Позволь те, я передам камеру Билли, чтобы он настроил ее. Я сей час вернусь.

Когда он вернулся, несколько человек в труппе одарили его взглядами, которые говорили, что разговор определенно не закончен, но спорить со временем было бесполезно. Они собрались в коридоре и образовали круг. Он слышал звон бокалов и приглушенный разговор в баре. В жилах начал гудеть ток, прогоняя облако, нависшее над их разговором и всем днем. Это было то, ради чего он жил. Он протянул руку внутрь круга, и они положили свои руки сверху.

Независимо от того, какие проблемы были у них друг с другом в тот или иной вечер, он знал, что, выйдя на сцену, они будут в полном порядке. Они не привносили личное дерьмо в представление. Импровизационная динамика опиралась на стопроцентную поддержку команды. Групповой разум. Они не подведут друг друга.

Лия взяла на себя вечернюю молитву.

– Пусть пиво будет холодным, наши сцены – забавными, а дезодорант – мощным.

– Да здравствует Да! – хором воскликнули они и подняли руки.

Они собрались у двери, ведущей на сцену. В баре приглушили свет, за исключением светильников, что были направлены на сцену. Джаспер выглянул и порадовался, что набрался почти полный зал. По пятницам обычно было полно студентов из Новоорлеанского и Тулейнского университетов. Джемма, ведущий бармен, подошла к микрофону и невозмутимым голосом зачитала карточку, которую так и не удосужилась запомнить.

– Это импровизация. Ничто из того, что вы увидите здесь сегодня вечером, не было запланировано заранее. Все сцены разыгрываются на ходу. Фотосъемка и запись со вспышкой запрещены. Не заставляйте меня надирать вам задницы. Спасибо.

Последняя часть была особым дополнением Джеммы. О, как Джаспер скучал по их старому театру!

Кто-то из зала крикнул, подзывая Джемму.

– А теперь, пожалуйста, поприветствуйте «Да здравствует Да», – без энтузиазма сказала Джемма.

Джаспер покачал головой, а затем выбежал на сцену, хлопая вместе с остальной труппой и аудиторией. Свет был слишком ярким, чтобы разглядеть большинство лиц, но он чувствовал энергию зала и впитывал ее, как наркотик. Он

заставил аудиторию хлопать в такт, в то время как остальная часть труппы расставила ряд стульев за его спиной, образуя заднюю линию. Когда все было готово, он поднял ладони, и толпа угомонилась.

Моник с сияющей улыбкой вышла на передний план.

– Добро пожаловать на импровизационное шоу «Да здравствует Да»!

Зрители зааплодировали.

– Могу я услышать «Да здравствует Да»? – спросила она, и ее громкий голос разнесся по бару.

В ответ зрители разразились какофоническим хором приветствий «Да здравствует Да».

Звякнули бутылки и стаканы.

– Еще раз! – крикнула она, сжимая кулак, и Джаспер удивился, почему она никогда не была чирлидером.

Аудитория повторила слова, на этот раз немного громче.

– Хорошо, это подходящее количество пьяных воплей, – подтвердила она. – Для тех из вас, кто новичок в нашем шоу: то, что мы делаем, называется «Армандо»³². Вам не нужно запоминать это имя. Или имя вашего партнера. Или ваше собственное имя. Все, что вам нужно знать, – это то, что Джаспер будет нашим монологом на этот вечер. Вы дадите ему слово, он расскажет нам правдивую историю, вдох-

³² Армандо – длинная форма импровизации, названная в честь ее создателя, Армандо Диаза. В ее основе лежит монолог, который связывает отдельные импровизационные сценки. Начало монолога закладывает слово или фраза, предложенные кем-то из аудитории.

новленную этим словом, а затем мы используем его монолог в качестве основы для сегодняшней импровизации. – Она ткнула в его сторону большим пальцем. – Итак, все, что ему нужно от вас, – это слово или фраза, чтобы начать. Говорите!

Аудитория на мгновение зашумела – ранняя, неловкая дрожь недостаточно пьяной толпы, а затем люди начали выкрикивать слова.

– Пиво! – выкрикнул высокий женский голос.

– Секс! – На этот раз мужской голос.

Кто-то всегда говорил «секс». Или «пенис». Все взрослые в глубине души остаются хихикающими двенадцатилетними подростками.

Моник приложила ладонь к уху. Она выберет слово.

– Серийные убийцы! – крикнула женщина сзади.

Моник указала в ее сторону, а затем на Джаспера. «Серийные убийцы».

Затем Моник отступила вместе с остальной труппой, и центральное место занял Джаспер. Его разум перебирал возможные варианты. Когда он оказывался на сцене, его мозг уподоблялся игровому автомату воспоминаний. Предполагалось, что это будет правдивая история. *Серийные убийцы. Серийные убийцы.*

Бам. Идея ударила, как камень по стали, вызвав яркую вспышку.

Джаспер посмотрел на аудиторию, свет прожектора слепил его.

– Итак, на этой неделе я вышел на новую работу. Это по-настоящему важная работа. Мне потребовалось долго учиться. Мир перестал бы вращаться без этой профессии. – Он поднял глаза с серьезным выражением лица. – Ну... знаете, я варю кофе.

Несколько смешков из зала. Он улыбнулся, хотя в этот момент вовсе не пытался вызвать смех. Это не стендап. Монолог был настройкой для игроков – просто историей, которая давала им множество возможностей для импровизации. Если стараться быть слишком смешным в монологе, он не будет развиваться и не даст актерам возможности за что-то зацепиться.

– Я правда думал, что это будет легкая работа. Что-то измелachaешь, что-то смешиваешь, разливаешь это по чашкам. Стараешься не обжечься и не съесть всю выпечку. Но меня волнуют клиенты на новой работе. Все они работают со мной в одном здании. Мне приходится видеть их каждый день, и я боюсь, что могу оказаться в опасности, если что-то испорчу. – Он медленно прошелся по сцене, пытаясь установить зрительный контакт с некоторыми лицами в первом ряду, которые мог различить в тени. – Первая женщина, которую я встретил, оказалась одержима серийными убийцами. По-настоящему одержима. Она прочитала все книги в жанре true-crime, просмотрела все документальные фильмы. Она порекомендовала мне целый список – документальных фильмов, а не серийных убийц. Возможно, она коллекционирует от-

крытки с Тедом Банди и Сыном Сэма³³ и пачками отправляет письма парням в тюрьмы.

Он улыбнулся, вспомнив, как Энди извела его вопросами, когда он только пришел на работу. *Почему ты здесь? Я тебя не знаю. Как ты вошел без пропуска?*

– Есть один парень, который ведет блог о диете пещерного человека, но просит добавить молоко и сахар в его кофе и грозит, что меня уволят, если я его разоблачу. – Джаспер поморщился для эффекта. – Упс. Наверное, не следовало мне этого говорить. Вы ничего не слышали.

Зрители засмеялись.

Боль в боку пульсировала, и он пожалел, что не выпил больше воды перед выходом на сцену. Сегодня вечером свет казался особенно ярким.

– А потом еще одна женщина, вероятно, сделала мою куклу вуду. Она возненавидела меня с первого взгляда в первый же день, когда я принес ей кофе. – Он подумал о своей первой стычке с Холлин и теперь мог бы улыбнуться по этому поводу, но он придерживался эффекта первого дня, потому что это был лучший материал. – Что бы я ни говорил, она корчила такие рожи, как будто от меня плохо пахло. Мне в самом деле пришлось выйти в коридор и принюхаться. – Он изобразил тайное обнюхивание подмышек. – Но нет, горная свежесть. Может быть, она просто решила меня убить. Может быть, ей стоит поговорить с леди – серийной убийцей,

³³ Тед Банди и Сын Сэма – американские серийные убийцы.

чтобы набраться идей.

Он услышал, как зашуршала задняя линия, давая ему понять, что у его труппы достаточно материала, и отступил назад. Даника и Барри вынесли свои стулья из гнutoго дерева в центр сцены и сели друг напротив друга, сразу же включаясь в представление. Даника скривила лицо, как будто съела что-то кислое.

– Я хочу сообщить об ужасном запахе на третьем этаже.

Барри скрестил ноги и притворился, что пишет в блокноте.

– Понимаю. Кто-то снова забыл опорожнить мусорное ведро?

– Это не мусор. – Даника покачала головой и скривила лицо в еще одном уродливом выражении, ее голос зазвучал высоко и гнусаво. – Это человек. Парень. От него ужасно пахнет, и я не могу сосредоточиться. – Она поморщилась и постучала себя по носу. – Я не могу избавиться от этой вони. Она сводит меня с ума.

– Хм, – деловито сказал Барри. – Возможно, я смогу поговорить с ним о гигиенических требованиях офиса.

– Ну, – сказала Даника, разглаживая руками джинсы. – Это не поможет.

– Почему?

– Потому что он мертв, – пояснила она.

Зрители разразились смехом, и Моник тронула Данику за плечо, уводя ее со сцены. Моник скользнула в кресло с на-

пряженным выражением на лице.

– Меня нельзя уволить. Это всего лишь мое второе предупреждение. Я должна получить три.

– Дорис, мы уже говорили об этом. Ты не можешь продолжать убивать коллег. Запах беспокоит Сьюзен, – сказал Барри.

Даника прыгнула обратно на сцену и издала шипящий звук, жестикулируя так, как будто она распыляла освежитель воздуха, ее лицо исказилось от отвращения.

Моник фыркнула.

– Но я не смогу получить собственную коллекционную открытку серийного убийцы, если не убью больше одного человека, Деррик. Я почти у цели. Почему ты хочешь мне помешать? Знаешь, как мало на свете женщин – серийных убийц? Я прокладываю путь. А ты стоишь на пути моих мечтаний.

Зрители засмеялись, но внезапное движение в левой части зала привлекло внимание Джаспера. На мгновение он потерял представление о происходящем, когда в луче одного из прожекторов мелькнули выющиеся светлые волосы. Джаспер поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и увидел знакомое лицо. *О черт.*

Холлин.

Холлин, которую он только что использовал в своем монологе и которой Даника все еще подражала. *Дерьмо, дерьмо, дерьмо.*

Джаспер со страхом наблюдал, как Холлин встала со сво-

его места и скользнула в темноту, пока зрители смеялись над чем-то другим. Он участвовал в сценке и мог выскочить на сцену в любую секунду. Ему нужно было следить за тем, что происходит. Но в животе у него поселилась тошнота, и он не мог сосредоточиться.

Проклятье.

Джаспер перешел на заднюю линию, встал рядом с Антонио, наклонился и прошептал:

– Мне нужно идти. Чрезвычайная ситуация.

Антонио повернул к нему голову, явно сбитый с толку. Он произнес одними губами:

– Уборная?

Джаспер покачал головой и снова наклонился к уху Антонио.

– Ты можешь взять следующий монолог? – Антонио все еще выглядел растерянным, но кивнул.

Джаспер шагнул боком в темноту и выскользнул за сцену. Он никогда раньше не бросал трупку на сцене и ненавидел это делать, но никак не мог сосредоточиться или выложиться на шоу после того, как увидел выражение лица Холлин. Он поспешил вдоль утопающей в тени боковой стены к двери, стараясь не привлекать к себе внимания, и вышел из здания.

Ночной воздух все еще был густым от влажности, но уже остыл. По сравнению с ним его кожа казалась слишком горячей, а бок все еще болел. Осмотревшись, он заметил Холлин примерно в двух кварталах от бара, она шла быстрым шагом.

– Эй! – окликнул он ее, но она не обернулась.

Ну какая женщина обернется ночью на городской улице.
Привет, псих. Оглянувшись на бар, он отправился на вторую пробежку за ночь. Оставалось надеяться, что она не угостит его газовым баллончиком.

Не то чтобы он этого не заслуживал.

Глава шестая

Ноги Холлин болели от быстрой ходьбы. *Тук, тук, тук.* Шаги по тротуару совпадали с учащенным сердцебиением. Она не знала, то ли заплакать, то ли закричать, то ли кого-нибудь ударить. Хотелось врезать *ему*. Как он смеет? Как смеет Джаспер высмеивать ее и ее коллег, использовать их как предлог, чтобы посмеяться?

Болезненное чувство, охватившее ее, когда она поняла, что он говорит о ней, заставило похолодеть, вернув ее в то место во времени, в которое она никогда не хотела возвращаться. Потом блондинка начала передразнивать лицевые тики Холлин, и гнев нахлынул на нее, заменив болезненное чувство яростью. Она провела весь день, улыбаясь переписке с Джаспером, и теперь поняла, что все это – чушь собачья. Он с ней не флиртовал. Он *собирал материал*.

Ей захотелось врезать по его красивому лицу. Или лучше, дать на его глупое шоу самый язвительный отзыв, который когда-либо писала Миз Поппи.

Мудак.

Где-то позади что-то крикнул мужчина. Она не обернулась. Она рано научилась игнорировать выкрики на городской улице, особенно ночью. Взгляд вперед, в руках – сотовый телефон и сумочка. Она припарковала свою машину довольно далеко, потому что планировала этим же вечером

зайти в еще один клуб дальше по улице, но теперь она не могла это сделать. Она не смогла бы сосредоточиться настолько, чтобы смотреть что-нибудь еще. Ей нужно домой, иначе она закончит тем, что вернется в тот бар и выплеснет выпивку Джасперу в лицо прямо посреди выступления. Ее дыхание участилось, и она поняла, что перешла на бег. Не лучший выбор для ботинок на каблуках, которые она носила.

– Эй, подожди! – Голос стал ближе. – Холлин!

При звуке своего имени Холлин резко обернулась. Вместо какого-то случайного пьяного чувака, как она ожидала, к ней трусой бежал Джаспер, его кожа блестела от пота. Когда он понял, что она остановилась, на его лице отразилось облегчение. Он поправил очки, которые, казалось, вот-вот соскользнут с его носа.

– Слава богу. Пожалуйста. Остановись. Просто. Дай... мне... секунду.

Раскрасневшийся Джаспер остановился перед ней и, тяжело дыша, уперся руками в колени. Холлин крепче сжала сумочку и стиснула зубы. Парень выглядел слишком подтянутым, чтобы быть таким запыхавшимся, но, возможно, он был просто одним из тех раздражающих людей, которые выглядели спортивно и без необходимости тренироваться.

– Мне нечего тебе сказать, – холодно сказала она и повернулась, чтобы продолжить путь к своей машине.

– Нет, пожалуйста, – сказал Джаспер. Его рука легко легла ей на плечо. – Пожалуйста. Мне жаль. Я...

Она развернулась, отмахиваясь от его прикосновения.

– Тебе жаль? – переспросила она. Ее голос был громче, чем она ожидала, незнакомая громкость в горле казалась чем-то чужеродным. – Как ты мог? Что, черт возьми, с тобой не так?

Джаспер побледнел и поднял к ней ладони.

– Мне так жаль, Холлин. Я просто пошутил. Я ничего не имел в виду...

– Пошутил? Как? – спросила она. – Высмеивая мое лицо? Да пошел ты...

Он нахмурился и прижал руку к боку, как будто ему было больно.

– Твое лицо? Я не смеялся над твоим лицом. Мне нравится твое лицо. – Он вздрогнул и слегка охнул. – Я смеялся над собой. Как сильно я, очевидно, раздражал тебя в тот первый день, или как от меня, должно быть, пахло. Ты все время морщила нос. Я не имел в виду...

Холлин указала на свое лицо.

– У меня синдром Туретта, придурок. В тот день у меня был приступ.

Приступ из-за тебя.

Его губы приоткрылись, и он побледнел до зеленоватого оттенка.

– О черт. Я не имел в виду...

– Не важно. – Она снова повернулась, ей нужно было покончить с этим.

С ним.

Он поспешил обойти ее, все еще сгибаясь пополам, но преграждая ей путь. Снова поднял руку с извиняющимся выражением на лице.

– Пожалуйста. Мне правда очень жаль. Я бы никогда...

– Не стал бы высмеивать неврологическое расстройство? А высмеивать людей, с которыми ты работаешь, – честно? – Она скрестила руки на груди. – Энди – замечательный человек. Она не любит серийных убийц. Она ведет подкаст, который может помочь людям защититься от преступности.

Он съежился.

– Я знаю. Знаю. Это был идиотский ход. Иногда я говорю раньше, чем думаю. Часто говорю, прежде чем подумать. Я не имел в виду ничего плохого.

– Твое шоу – дерьмо. – Она обогнула его и пошла дальше. – Не разговаривай со мной на работе.

– Эй, пожалуйста... – Он досадливо фыркнул. – Черт возьми, Холлин.

Она не собиралась снова оборачиваться. Увернулась от парочки, идущей рука об руку.

– Черт. Ой. – Джаспер резко зашипел и разразился чередой ругательств.

Не поворачивайся. Иди дальше.

Еще один звук боли, а затем глухой удар. *Черт.*

Холлин ничего не могла с собой поделать. Она обернулась.

Джаспер стоял на коленях, одной рукой упираясь в тротуар, а другую прижимая к правому боку. Исказившееся от боли лицо стало свекольно-красным.

Люди шли мимо него по тротуару: кто-то пьяный упал на улице – нередкое зрелище в этой части города.

– Что случилось? – спросила она, осторожно делая к нему шаг. – Ты что, пил? Тебя сейчас вырвет мне на ботинки?

Он поднял глаза, его лицо блестело от пота.

– Не пил. Может вырвать. Бок. Болит. – Он перевел дыхание. – Я знаю... что ты меня... ненавидишь. Но прежде чем ты уйдешь... может, позвонишь в скорую?

Ее глаза расширились.

– *Что?*

Он скрючился в позе эмбриона.

– Больно. Бок, колющая боль. Что-то не так. Что-то очень не так.

– Да ты надо мной издеваешься, – пробормотала она и оглянулась, задаваясь вопросом, может ли она вернуться и позвать на помощь одного из его друзей-импровизаторов. Но идти было слишком далеко, а Джаспер действительно выглядел неважно. – Черт. Ты вообще идти можешь?

Он издал страдальческий звук, но кивнул.

– Наверно. Только выпрямиться не смогу.

Она посмотрела вправо-влево по улице, втайне надеясь, что появится какой-нибудь другой волшебный вариант, но ничего не появилось. Она не собиралась бросать его на ми-

лость подвыпивших прохожих.

– Слушай, моя машина всего в нескольких шагах отсюда. Я могу отвезти тебя в больницу. Это быстрее, чем ждать скорую помощь. Университетский медицинский центр отсюда недалеко.

Он покачал головой.

– Ты не должна...

Она подошла и положила руку ему на локоть.

– Давай. Встань, насколько сможешь, и я помогу тебе добраться до машины.

Он подчинился и медленно поднялся на ноги, но не выпрямился. Она схватила его за руку и сделала все возможное, чтобы он не упал. Когда она вела его к пассажирской стороне машины, он тихо постанывал, как будто пытался скрыть, насколько сильно ему на самом деле было больно, и ее, несмотря на раздражение, кольнуло сочувствие. Ей удалось помочь ему сесть в машину, затем она схватила с заднего сиденья пустую сумку из-под продуктов и бросила ее ему на колени.

– Прошу только, если тебе понадобится вырвать, используй это.

Он откинулся на подголовник и закрыл глаза.

– Обещаю.

Окинув взглядом дорогу, она поспешила к водительскому месту и села в машину. Движение сегодня было не слишком интенсивным, но она набрала *Университетский медицинский центр* в телефоне, чтобы определить лучший маршрут.

рут. Они находились в районе Байуотер³⁴, всего в нескольких милях от больницы, но узкие городские улочки запросто могли оказаться забиты транспортом. Последнее, что ей было нужно, – это попасть где-нибудь в неожиданную пробку.

Она выехала на дорогу и направилась к I-10. Джаспер по-прежнему сидел на пассажирском сиденье, скрючившись и наполовину отвернувшись. Теперь она тоже вспотела, ее пальцы по счету «четыре» постукивали по рулю. Вероятно, ей нужно что-то говорить, чтобы отвлечь его. Так ведь поступают в таких ситуациях? Она видела подобные сцены в фильмах.

– Это не займет много времени, – сказала она, не глядя в его сторону. – Максимум пятнадцать минут. Может быть, у тебя просто пищевое отравление или что-то в этом роде.

– Да.

– Или, может быть, твои органы взорвутся.

Он издал сдавленный звук, но потом она поняла, что он смеется – или, по крайней мере, пытается смеяться в промежутках между одолевавшими его приступами боли.

– Ну и ну, док, а вы знаете, как деликатно описать мое состояние.

– Мой индикатор симпатии к тебе сейчас очень низок.

Он снял очки и протер глаза.

³⁴ Байуотер – богемный район Нового Орлеана с красочными настенными росписями, множеством уличных кафе, шумных баров, модных ресторанов и необычных бутиков, где можно купить товары ручной работы.

– Я знаю. Мне очень жаль. Я правда сожалею, прямо-таки эпически.

– Не важно.

После нескольких секунд молчания он посмотрел на нее.

– Ты не могла бы продолжать говорить? Даже просто для того, чтобы сказать мне, какой я засранец. Все что угодно, лишь бы отвлечь меня от этой пронзительной боли.

Продолжать говорить. Мольба заставила ее горло сжаться, внимание Джаспера к ней было слишком пристальным. Она чувствовала, как усиливаются нервные тики.

– Я не знаю, что еще сказать. Спроси меня о чем-нибудь.

– Любимый цвет.

Она облизнула губы.

– Синий.

– Как твоя фамилия?

– Тейт. А твоя?

– Дирс.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него.

– Дорогуша³⁵? Типа твоя мама – Дорогуша мамочка?

Он насмешливо фыркнул.

– Дирс без буквы «Т». И это старая шутка, Холлин Тейт.

– Не для меня. – Она почувствовала, как уголки ее рта немного приподнялись. – Джаспер, дорогуша. Я говорю как твоя жена 1950-х годов, зовущая тебя подойти к обеденному столу и съесть тушеное мясо.

³⁵ Игра слов. Deares – Dearest («дорогуша», *англ.*).

О боже, я сказала это вслух? Я только что назвалась его женой.

Он фыркнул.

– Жаль, что тебя зовут не Холлин Дарлинг³⁶. Мы могли бы устроить собственное ретротелешоу.

Стеснение в груди немного ослабло.

– Мне пришлось бы научиться готовить жаркое в горшочке.

– Значит, ты не фуд-блогер, да? – Он откинулся на подголовник и закрыл глаза. – Чем ты занимаешься? Ставлю на оперативницу ЦРУ.

На мгновение она сосредоточилась на его профиле, который был странно притягательным, небольшая горбинка на его носу каким-то образом делала его намного интереснее – несовершенно красивым. Она снова сконцентрировалась на дороге. Ей не нужно думать о его носе или о том, насколько он красив. *Он мудака, помнишь?*

– Я много пишу внештатно, но не о еде. В основном о фильмах и развлечениях.

– Я люблю фильмы. А тебе нравится твоя работа?

– В основном, но это очень напрягает. Я надеюсь скоро найти работу на полный рабочий день. Знаешь это волшебное ощущение, которое приходит со страховкой и стабильной зарплатой?

– А такие рабочие места существуют? – Он поерзал на

³⁶ Darling (англ.) – дорогая.

своем сиденье и тихо застонал от боли.

– До меня доходили слухи.

– Очаровательно. – Он протянул руку и повернул к себе вентиляционное отверстие кондиционера.

Она вздохнула, пытаясь войти в ритм разговора.

– Итак, ты готовишь кофе и импровизируешь.

– Да. И я собираюсь провести несколько занятий в «Обходном решении».

– О том, как оскорблять своих коллег?

Голова Джаспера снова повернулась в ее сторону.

– Ох.

Она не смотрела на него. Она ни в коем случае не собиралась извиняться. Ей нужно было помнить, что она злится на то, что он – придурок. Не отвлекаться на его горячность или его состояние борющегося актера.

– Послушай, Холлин, – тихо произнес Джаспер. – Я искренне сожалею. То, что ты увидела сегодня вечером... не соответствует духу нашего шоу. – Он замолчал и сделал прерывистый вдох, как будто слова давались ему с трудом. – Я совершил ошибку. История с серийным убийцей, естественно, навела меня на мысль об Энди, и я уверен, если бы ты спросила ее, она не восприняла бы мои слова всерьез. Когда я разговаривал с ней, она посмеивалась над собственной одержимостью. Она принимает свою странность.

– Верно, – сказал Холлин, сжав челюсти. – Так что я должна просто спокойно относиться к тому, что надо мной сме-

ются. Это я слишком чувствительна. Ясно.

– Боже, нет, – разочарованно запротестовал он. – Я говорю, что я был придурком, используя тебя в монологе, и мне жаль. Я не знал о твоих тиках. Я просто думал, что ты злишься на меня.

Она крепче сжала руль, выезжая на Канал-стрит, и глубоко вздохнула.

– Я переросла худшие приступы, но они все равно возникают, когда я... нервничаю.

Она чувствовала, что он наблюдает за ней, и ее пальцы забарабанили быстрее.

– Значит, я заставил тебя нервничать? – спросил Джаспер.

– Да.

Он нахмурился, глядя на нее краем глаза.

– Почему?

Она потеряла губы. Ей совсем не нравились эти вопросы. *Потому что ты веселый, красивый парень, и у тебя самая сексуальная улыбка.*

– Я не очень хорошо лажу с новыми людьми.

Он снова поерзал на сиденье.

– Хорошо, что я больше не новый человек для тебя. Теперь ты можешь расслабиться.

Она оглянулась. Парень выглядел ужасно. Раскрасневшийся и вспотевший. Но в его глазах тлела крошечная искорка приглашения.

– Ты все еще исключительно новый человек, – сказала

она. – Упакованный в целлофан, еще с этикеткой.

– Нет. Упаковка разорвана. Мы переписывались. Ты могла мне доковылять по городской улице до машины. Эй, у нас даже была наша первая ссора, и мы планировали наше телешоу, *Дорогая Холлин*. Я для тебя уже не новый человек. – Он поморщился и схватился за бок. – Теперь мы старые друзья.

Мгновение она пристально смотрела на него, отчасти желая, чтобы это было правдой. Но кого она обманывала? Во-первых, как она могла быть уверена, что любое их общение не превратится для него в материал? И во-вторых, она обманывала себя, когда думала, что они флиртовали. Джаспер был комиком. Забавные шутки были его делом. Обаяние было его валютой. Она неправильно считала ситуацию.

– Мы не друзья, Джаспер.

Он вздрогнул, и на этот раз она знала, что это не имело никакого отношения к боли в боку.

– Похоже, ты не из тех, кто легко прощает.

Она снова смотрела на дорогу. В поле зрения появилась вывеска Университетского медицинского центра, и она покачала головой, чувствуя смертельную усталость.

– Послушай, я нагрубила тебе в первый день. Ты оказался придурком на сцене. Мы квиты. Давай просто заключим перемирие и на работе будем друг с другом вежливы.

– Но...

Она подъехала ко входу в отделение неотложной помощи.

– Ступай к врачу, Джаспер. Твои органы могут взорваться.

Один из сотрудников больницы подошел к машине, и Холлин открыла дверь.

Джаспер бросил на нее последний обиженный взгляд, а затем вздохнул.

– Спасибо, что подвезла, Холлин.

– Надеюсь, тебе станет лучше.

Коренастый парень в медицинской форме помог Джасперу выйти из машины и подвел его к ожидающей инвалидной коляске. Перед тем как парень вкатил его в открытые двери, Джаспер еще раз оглянулся. Холлин посидела с минуту, пытаясь привести в норму дыхание. Она уставилась на закрытые двери, чувствуя себя немного виноватой за то, что просто бросила его у больницы, не зашла внутрь. Но что ей оставалось делать? Они не были друзьями. Если бы это было что-то серьезное, они бы позвонили его семье или близким, чтобы те приехали и были с ним. Она забарабанила пальцами по рулю. Она не собиралась идти за ним.

Нет. Она не собиралась этого делать. Этот странный вечер закончен. Она включила передачу. Ей нужно было вернуться домой, лечь в постель и вообще забыть этот вечер. Но как только она двинулась с места, что-то упало на пол у пассажирского сиденья. Она подогнала машину ближе к обочине, остановилась и включила внутреннее освещение. На полу лежал серебристый прямоугольник – мобильник Джаспера.

Она закрыла глаза. *Ну же, вселенная, дай мне чертову передышку.* Она со стоном повернула руль и направилась на парковку.

Ей никогда не избавиться от Джаспера Дирса.

Глава седьмая

Джаспер очнулся в тумане ватных мыслей и путаных снов, в которых на очередном импровизационном шоу членов его труппы заменяли шимпанзе. Он пошевелился в постели, и в нос ему ударил странный, резкий запах. Он вцепился в простыни, но острая боль в левой руке заставила его так же быстро выпустить ткань. *Какого черта?*

Веки казались слишком тяжелыми и неподъемными, незнакомые звуки наполняли уши. Может быть, он все еще спал. Обезьяны могли появиться в любой момент. Или, может быть, он пьян? Но он не помнил, как пил. Он попытался облизнуть губы, но язык оказался сухим, как опилки. Он повернул голову и заставил себя открыть глаза. В поле зрения появилась бледно-бежевая стена вместе с какой-то машиной. Его охватило замешательство. Это была не его спальня. Он прищурился. В слабом освещении мелкие детали стали видны отчетливее. Поручни кровати. Трубка капельницы. Стол на колесиках.

Больничная палата. Он в больнице.

О. Вспышки воспоминаний вернулись к нему, как будто были частью его сна. Вот его везут в оживленную приемную скорой помощи. Вот медбрат. Разговаривает с ним и везет его в комнату для анализов. Врач, объясняющий ему все быстрыми, рублеными фразами. Разговоры о том, что нуж-

но готовить Джаспера к операции. *Аппендикс. Может лопнуть. Нужно оперировать прямо сейчас.*

Джаспер тихо застонал. Ему сделали операцию. *Черт возьми.* Он взглянул на свою левую руку, к которой сверху была прикреплена капельница. На другой руке был браслет с его именем. Затем он ощутил тупую боль в животе. Они вырезали из него частичку. Будет намного больнее, когда закончится действие лекарства.

Он закрыл глаза, и его затопил страх. Может быть, стоит просто снова заснуть, еще немного задержаться в своем неведении.

Но тихий звук справа заставил его снова поднять веки. Он повернул голову, каждое движение давалось так тяжело, словно его окружало желе. Он несколько раз моргнул при виде открывшегося зрелища. В кресле свернулась калачиком женщина. Она крепко спала, тихонько похрапывая. *Холлин.* Потрясение от того, что он ее увидел, немного прояснило его разум.

Холлин *осталась*? Прошлой ночью она даже не пошла с ним. Или пошла? Последнее, что он помнил, как она высадила его у двери, фактически велев ему убираться восвояси. Почему она спит в его палате?

Он хотел спросить ее, но голос не слушался. Ему удалось лишь издать хриплые, неразборчивые звуки, как будто он был каким-то пьяницей, приходящим в себя на Бурбон-стрит. Он оставил попытки и просто наблюдал за ней

несколько мгновений. На него снова нахлынул прошедший вечер. То, что он сделал на сцене. Ее гнев. Момент, когда он узнал, что у нее синдром Туретта.

Он поморщился. *Иисусе*. Он никогда еще не чувствовал себя *таким* засранцем. Те гримасы, которые она строила, она не могла контролировать. А он решил, что они адресованы ему. *Ты настолько эгоцентричен?* Он почти слышал голос сестры, ругающей его. И даже после того, что он сделал, Холлин все равно предложила отвезти его в больницу. Теперь она свернулась в том, что выглядело как самое неудобное кресло в мире. Кто была эта женщина?

Кое-что он понял прошлой ночью. Она была из тех, кто, разозлившись, не побоялся крикнуть на него, но она сказала, что новые люди заставляют ее нервничать. Женщина, которая обменивалась с ним кокетливыми сообщениями, но едва могла смотреть ему в глаза. Женщина, которая казалась очень осторожной.

Он нахмурился, наблюдая, как мягко поднимается и опускается грудь спящей. Он мало что знал о синдроме Туретта, но во сне ее лицо было гладким и расслабленным. Черты ее лица были мягкими, длинные ресницы касались щек, а губы слегка приоткрылись. Он уже знал, что она привлекательна, но в состоянии неосторожного сна, когда ее макияж немного размазался, а выющиеся волосы растрепались еще сильнее, чем обычно, он понял, что она просто сногшибательна.

Вот как бы она выглядела, если бы он проснулся рядом с

ней в постели.

Блин, это не та мысль, которую он должен думать на больничной койке о женщине, которая фактически заявила, что больше никогда с ним не заговорит. Он закрыл глаза. Может, это обезболивающие виноваты.

Может, виновата необходимость нравиться всем вокруг. Затащить Холлин в постель значило бы доказать, что он ей очень нравится. На самом деле он позаботился бы о том, чтобы она ушла очень довольная своим новым другом Джаспером.

Заткнись, мозг-извращенец.

Сейчас у него были дела поважнее, чем неуместное влечение. Например, чертово восстановление после операции, больничные счета, начало занятий и выяснение всей этой ситуации с театром. Больше никаких мыслей о Холлин. Или о том, как она будет выглядеть в его постели. Или о том, как она только что вздохнула во сне, заставив его подумать о том, как она будет стонать, когда...

Нет. Не об этом. Он отвернул голову, чтобы больше не смотреть на нее. Ему просто нужно больше спать. Он не в своем уме. В любом случае к тому времени, как он проснется, она, наверное, уже уйдет.

* * *

Холлин проснулась в неудобном больничном кресле. Все

ее суставы протестовали и трещали. Она застонала и потеряла затылок, пытаясь избавиться от боли. Медсестра с бочкообразной грудью склонилась над кроватью Джаспера, проверяя пакет для капельницы. Она улыбнулась Холлин.

– Извините, не хотела вас будить.

Холлин пошевелилась, опустив ноги на пол.

– Все в порядке. Как он?

– Он просыпался? – спросила медсестра.

– Насколько я знаю, нет.

Она сидела довольно долго после того, как они привезли Джаспера из послеоперационной палаты, надеясь, что он проснется и скажет ей, кому она должна для него позвонить. Когда его привезли, он был в полусне, все еще сильно накачан лекарствами. Он почему-то называл ее Фелисити, а потом разговаривал с ней так, словно она была еще одной медсестрой. Она сдалась и решила подождать, пока пройдет наркоз. Но в какой-то момент, очевидно, заснула.

Она посмотрела на часы на стене: чуть больше пяти утра.

– Вы отвезете его домой, когда его выпишут? – спросила медсестра.

Она моргнула.

– Эм-м. Я надеюсь, что, когда он снова проснется, он сможет сказать мне, кому позвонить. Мы просто... коллеги.

Медсестра одарила ее доброй улыбкой.

– Ну, вы очень хороший друг, раз остались с ним вот так. Никому не нравится просыпаться в больнице в одиночестве.

Холлин поджала губы и кивнула, чувствуя себя полной дурой, потому что первоначально *собиралась* оставить его здесь одного.

– Док будет совершать обход в течение следующего часа или около того. – Медсестра что-то пометила на электронном планшете, который принесла с собой. – Мы не можем выписать его, пока он не сможет удерживать в организме жидкость и перестанет мочиться, так что если он проснется, в этом кувшине – ледяная вода.

Холлин поежилась. Она знала Джаспера всего пару дней, а кто-то обсуждал с ней его мочеиспускание. Она и представить себе не могла, как он на это отреагирует.

– Хорошо.

Медсестра поставила пластиковый кувшин на боковой столик.

– Мне нужно проверить еще нескольких пациентов, но почему бы вам не попытаться поговорить с ним и осторожно разбудить? Затем, если он будет готов, заставьте его съесть несколько кусочков льда или выпить немного воды. Я свяжусь с вами через некоторое время.

Холлин застыла.

– Погодите, вы хотите, чтобы я...

Но медсестра уже вышла в коридор, слишком занятая, чтобы беспокоиться о Холлин и ее неловкости. Холлин уставилась на закрывающуюся дверь, а затем снова переключила внимание на Джаспера. Его грудь поднималась и опуска-

лась с ровными вдохами. В тонком больничном халате, спящий, он выглядел гораздо менее устрашающе, но ее сердце учащенно билось при мысли о том, чтобы разбудить его и объяснить ему ситуацию.

Тебе сделали операцию.

Я здесь, потому что... потому что ты потерял свой телефон? Потому что я не могу оставить тебя в покое? Потому что я полностью игнорирую личное пространство и болтаюсь в твоей комнате, как преследовательница? Тьфу.

И она должна не только разбудить его, но и поговорить с ним о том, чтобы он пописал?

Просто убейте меня сейчас, и покончим с этим.

Она со стоном поднялась на ноги. Пальцы отбивали счет. Она откашлялась и подошла поближе.

– Эм-м, Джаспер?

Его веки не дрогнули.

Она облизнула губы. Боже, она не хотела этого делать. Она предпочла бы, чтобы он вообще не знал, что она здесь была. Холлин оглянулась на стул. Ее сумочка валялась на полу, а сверху лежал телефон Джаспера. Прошлой ночью она попыталась дозвониться до его контактов, но телефон был заблокирован. Ей нужен был его пароль или... Она оглянулась на Джаспера и руку, из которой не торчала капельница.

Ее захлестнула волна облегчения. Если бы она могла приложить его большой палец к телефону, чтобы получить отпечаток пальца, она была бы свободна и пошла бы домой. Она

поспешно схватила его телефон и вернулась к краю кровати. Еще раз взглянула на его лицо, убедившись, что он крепко спит, а затем повернулась к нему спиной, осторожно взяла его за запястье и подняла руку. Рука оказалась теплой и шершавой, длинные пальцы мягко сжались. Она положила телефон на кровать, а затем попыталась приложить его большой палец к кнопке, чтобы считать отпечаток. Если бы она могла добраться до его списка контактов, она могла бы позвонить кому-нибудь, чтобы он приехал за ним в больницу.

Она поднесла его руку к телефону, но угол был неправильным, большой палец изогнулся слишком сильно. Она осторожно переместила хватку и взяла только большой палец, пытаясь повернуть его.

– Так ты действительно из ЦРУ или просто пытаешься украсть информацию о моем банковском счете?

Холлин вздрогнула и выпустила руку Джаспера. Повернулась и встретила его глуповатую ухмылку.

– Не хотелось тебя огорчать, но банковский счет тебя разочарует, – сказал он хриплым голосом Марлона Брандо. – Я перевел все свои миллионы на офшорный счет.

Сердце Холлин забилося в горле, как колибри.

– Ты проснулся.

– Думаю, да. – Джаспер попытался сесть и зашипел, очевидно, боль застала его врасплох. Он снова откинулся на подушки. – Если только это не очередной сон. Ты не собираешься превращаться в шимпанзе?

Мышцы ее лица подергивались. Даже если бы она не чувствовала знакомых сокращений, она видела, как он изучает выражение ее лица. Она уставилась на одеяло.

– Я пыталась разблокировать твой телефон, чтобы посмотреть, кому я могу позвонить для тебя. Возможно, они скоро смогут тебя выписать.

– Да?

Она кивнула.

– Да, как только ты сможешь...

Он снова попытался пошевелиться, и больничная кровать заскрипела.

– Пройтись колесом? Сделать стойку на голове? Поделить в столбик? Чувствую, что полностью к этому готов.

Она снова откашлялась.

– Нет. Скорее, выпить чего-нибудь и, понимаешь...

Она сделала какое-то нелепое движение рукой.

– Ах, – с тихим смешком сказал он. – Мне нужно помочь в утку.

– Да.

– Фантастика. Выступить под давлением, – сказал он. – Думаю, мне лучше попробовать что-нибудь выпить, чтобы подготовиться к важному моменту. Я намерен получить за это действие десять баллов из десяти.

Она подняла голову, ее взгляд метнулся к нему.

– Что? – спросил он.

Мгновение она пристально смотрела на него.

– Ничего, просто... ты говоришь вещи, из-за которых другие чувствовали бы себя неловко.

Он одарил ее обезоруживающей улыбкой.

– Это все импровизация. Игра без стыда. – Он отвернулся и поправил простыни. – Плюс я был приемным ребенком. То, что ты новичок в семье шесть раз подряд, как бы избавляет от неловкости.

Ее глаза расширились.

– Ничего себе.

– И на самом деле все неловкости – это способ показать кому-то другому, что ты человек. Я думал, что этот секрет уже раскрыт. – Он бросил на нее мрачный взгляд. – Холлин, я не робот – к большому разочарованию моего прежнего десятилетнего «я», влюбленного в «Трансформеров».

Она слегка улыбнулась, но его сосредоточенное на ней внимание было слишком сильным. Она заставила себя отвлечься, налила и предложила Джасперу стакан воды со льдом.

Он протянул руку, но прежде, чем она поняла, что он делает, он сжал руку, которую она держала на перилах его кровати, вместо того чтобы взять чашку. Она вздрогнула от теплого прикосновения, но руку не убрала. Он стиснул ее пальцы.

– Так значит, ты осталась.

Она почувствовала, как застывает под его пристальным взглядом. Его рука касалась ее руки. Вспомнились слова Кэ-

ла о тактильном голоде.

– Я...

– Это, типа, удивительно круто с твоей стороны. – Он выпустил ее руку и взял чашку. Сделал маленький глоток и слегка поморщился. – Особенно после всего, что произошло прошлым вечером.

– Все в порядке, – пробормотала она.

– Нет, дело не только в этом. Я был придурком, а ты все равно осталась. Поэтому, прежде чем я потеряю все очки выносливости и начну ныть о том, как сильно у меня болит живот, и умолять тебя привести сюда медсестру с каким-нибудь серьезным обезболивающим, я хочу, чтобы ты знала, что я правда ценю тот факт, что ты осталась. Я проснулся немного раньше, когда ты спала и... ну, я просто рад, что проснулся здесь не один. – Он пристально посмотрел ей в глаза. – Ты хороший человек, Дорогая Холлин. Спасибо тебе.

Эти слова и новоиспеченное прозвище произвели на нее бо́льший эффект, чем она ожидала, и ей пришлось отвести взгляд. Она отступила на несколько шагов и скрестила руки на груди.

– Это было несложно.

Он на мгновение замолчал, изучая ее, а затем быстро кивнул.

– Я собираюсь позвонить своей сестре и сообщить ей, что произошло. Она приедет сюда, поругается из-за чего-нибудь с врачами, а потом отвезет меня домой, как только они бу-

дут готовы меня выписать. Почему бы тебе не пойти домой и не отдохнуть немного? Я знаю, что это была долгая ночь. Ты официально освобождена от обязанностей доброй самаритянки.

Она поджала губы и посмотрела на дверь.

– Ты уверен, что тебя отвезут домой?

Он слегка улыбнулся.

– Да, здесь я прикрыт.

Холлин больше всего на свете хотела выбраться из этого места, сбежать назад в безопасность своего дома, но другая маленькая частичка ее души не хотела покидать Джаспера.

– Тебе что-нибудь нужно, прежде чем я уйду?

– Много-много таблеток, – сказал он с серьезным кивком. – Как и всем.

Она тихо рассмеялась и подошла, чтобы забрать свои вещи.

– Ясно. Я скажу медсестре, чтобы она заглянула еще раз. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше.

– Спасибо, Холлин.

Он наблюдал за ней слишком пристально. Она чувствовала, как усиливаются тики. Захотелось спрятать лицо, спрятать постукивающие пальцы. *Скрыть. Скрыть. Скрыть.*

Но вместо этого она выдавила из себя следующие слова.

– И, – она глубоко вздохнула, – скоро увидимся. В кофе-баре.

Ему потребовалась секунда, чтобы осознать, что она ска-

зала, но затем его губы растянулись в улыбке.

– Правда?

– Мое лицо будет делать, – она указала на свой дергающийся нос, – это. И мне будет неловко, потому что я не умею вести светскую беседу.

Он выглядел довольным, как Панч³⁷.

– Я на сто процентов гожусь для неловкой светской беседы.

– И ты никогда, никогда больше не будешь использовать меня в своих выступлениях.

– Клянусь.

При этих словах она наконец почувствовала, что полностью улыбается.

– Круто. Увидимся, Дорогуша Джаспер.

– Позже, Дорогая Холлин.

Она выскользнула из палаты, прежде чем успела покраснеть с головы до ног, сказала медсестре, чтобы та принесла Джасперу лекарства, и направилась к выходу. Измученная, но впервые за долгое время полная надежд.

³⁷ Панч – персонаж английского народного театра кукол, шут.

Глава восьмая

Через две недели после операции Джаспер прислонился к кухонному столу в доме сестры и уставился на пришедший по почте первый больничный счет. *Черт возьми.* Даже если учесть некоторое страховое покрытие от родителей, он был в яме на тысячи долларов. Маленькое гнездышко, которое он пытался построить, пару месяцев живя бесплатно у Гретхен, должно было быть уничтожено. Вот и все планы в ближайшее время обзавестись собственным домом или вообще получить хоть какие-то деньги, чтобы инвестировать в продвижение своей труппы.

– Ты выглядишь чертовски лучше, – сказала Гретхен, входя в залитую солнцем кухню и хватая кофейник. Она была одета для исследовательской работы в университете: белая блузка и серые брюки, светлые волосы собраны в пучок. Единственным намеком на то, что она не была на сто процентов лишенным чувства юмора ученым, были ярко-красные серьги в виде вишенки, свисающие с мочек ее ушей. – Как ты себя чувствуешь?

Джаспер провел рукой по подбородку.

– Я чувствовал себя довольно хорошо, пока не вскрыл почту. Как операция может стоить так дорого? Я пробыл там всего несколько часов. – Он ткнул бумажкой в ее сторону.

– Тебе повезло, что ты все еще вписан в страховку мамы

и папы. Будь ты на год старше, быть бы тебе в яме в три раза больше. Экстренная операция – безумно дорогая штука.

Он в отчаянии бросил счет на стойку. Никто не виноват в том, что его аппендикс решил уволиться, а быть в долгах лучше, чем умереть от разрыва органов, но ему так хотелось растерзать чертов счет на мелкие кусочки и сжечь. Почему ему никак не удастся вырваться вперед? Или даже не вперед – просто догнать тоже было бы неплохо.

– Я знаю, что много прошу, но мне придется еще немного пожить в твоей гостевой комнате, чтобы у меня был хоть какой-то шанс расплатиться.

Гретхен нахмурилась и поставила кофейник на стол.

– Джас, ты говорил, что сможешь съехать в конце этого месяца.

– Я знаю, но это было до того, как мой аппендикс решил превратиться в бомбу замедленного действия. – Он махнул рукой в сторону счета. – Я не могу это оплатить и позволить себе аренду в одиночку. И я думаю, что будут еще счета.

Сестра скрестила руки на груди и посмотрела в окно, прищурившись, как будто она сильно концентрировалась.

– Ну, придется тебе что-то придумать.

Ему потребовалась минута, чтобы осмыслить то, что она сказала.

– Что?

Она выдохнула и снова посмотрела на него, ее карие глаза встретились с его.

– Ты не можешь остаться, Джас.

– Я не могу остаться, – повторил он. – Ты это серьезно?

Она кивнула с мрачным, но решительным выражением лица. У нее было такое же выражение лица, когда они были подростками и она отказывалась прикрывать его перед Дирсами, если он делал что-то, нарушающее правила.

Его сердце забилося чаще. Старая ввевшаяся реакция на слова о том, что он не может где-то остаться. *Извини, Джаспер, это место просто не подходит. Извини, Джаспер, но твои родители отказались от реабилитации, так что ты не поедешь домой.*

– Почему? Я имею в виду, я знаю, тебе неудобно, что я здесь, но я правда не собираюсь оставаться здесь надолго с двумя работами, и не думай, что я принимаю твое жилье как должное, но...

– Я переезжаю к Тимоти, – прервала она его. – Я уже оповестила владельцев, и у них есть новый арендатор, готовый въехать.

Джаспер откинулся на стойку, пораженный новостью.

– Переезжаешь? Ребята, я даже не подозревал, что у вас все так серьезно.

– Потому что тебя здесь не было. Мы встречаемся уже больше года. Я планировала этот переезд еще до того, как ты позвонил из Калифорнии и сказал, что тебе нужно вернуться домой. Я отодвинула дату и попросила Тимоти набраться терпения, но я больше не могу это откладывать. – Она вздох-

нула и развела руками. – И я не должна была этого делать. Тебе двадцать пять и...

– У меня должна быть постоянная работа, страховка и все эти важные взрослые вещи, – сказал он насмешливым официальным тоном.

– Не надо, – предупредила она, и ее глаза вспыхнули. – Не веди себя так, будто я веду себя как стерва. Я знаю, что ты любишь импровизировать и у тебя это хорошо получается, но ты пытался сделать на этом карьеру, и у тебя ничего не вышло. И с колледжем ничего не вышло. И актерская карьера не удалась. Пришло время строить другие планы – настоящие планы. Практичные.

Он поморщился.

– Слово «практичный» – это не ругательство, Джаспер. Я знаю, ты считаешь меня скучной со всеми моими десятилетними планами и таблицами, но посмотри, к чему это меня привело. Постоянная работа. Устойчивые отношения. Деньги, чтобы оплачивать свои счета.

Джаспер сердито посмотрел на нее. Чего она от него хочет? Грамоту с золотыми звездами? Медаль «Хороший ответственный человек»? Ему удалось удержать рот на замке, потому что то, что могло выйти наружу, не обещало быть приятным.

– Ты же не хочешь дожить до тридцати и понять, что все еще готовишь латте и у тебя в банке нет ни гроша. Не всегда можно обойтись подмигиваниями и шуточками, – ска-

зала она, упираясь руками в столешницу и пригвоздив его острым взглядом. – Импровизируй ради удовольствия, ради хобби, но начни искать настоящую работу. Пора уже. Ты слишком взрослый, чтобы ночевать в доме сестры и пользоваться страховкой родителей.

Джаспер стиснул челюсти так сильно, что забеспокоился о своих зубах.

Она с вызовом скрестила руки на груди, как будто знала, что он вот-вот взорвется и встанет с ней лицом к лицу.

– Мама и папа сказали бы тебе то же самое, если бы не боялись задеть твои чувства, – добила она.

– Не надо, – тихо предупредил он. – Не втягивай в это маму и папу. Они всегда на сто процентов поддерживают все, что я хотел делать.

– Поддерживают, потому что любят тебя, но это не значит, что они согласны с тем путем, который ты выбрал. Они все время беспокоятся о тебе, – сказала она с ноткой боли в голосе. – Они считают, что в чем-то подвели тебя.

У него все внутри оборвалось, заныл хирургический шрам, слова сдулись, как воздушный шарик, в который всадили булавку.

– Что?

– Подумай об этом, Джас. Их работа заключалась в том, чтобы принять тебя и подготовить к жизни, но, – она развела руками, – ты все еще живешь так, как будто тебе восемнадцать. Ты не смог стартовать. Они считают, что это их вина.

Ее голос был тихим, но удар оказался сильнее, чем все остальные слова. Он посмотрел вниз, схватившись за затылок. От мысли о том, что он разочаровал Дирсов, его замутило. Лучшим днем в его жизни был день, когда они сказали ему, что хотят усыновить его, не позволят ему оставаться приемышем, а официально введут его в свою семью, дадут ему свое имя. Самое последнее, что он хотел бы сделать в этом мире, – это подвести их.

– Черт. – Проклятие было произнесено шепотом, и большая часть сил покинула его.

– Послушай, я могу помочь, – успокаивающим тоном сказала сестра, обходя стойку и придвигаясь ближе. – Тимоти сказал, что может подыскать тебе место оператора ввода данных у себя на работе. За это не платят кучу денег, но у этой работы есть преимущества, обучение и шанс продвинуться.

Оператор ввода данных. Лучше уж просто пусть накинута ему на шею чертову петлю и выбьют из-под ног табуретку.

Джаспер поднял глаза и постарался скрыть раздражение в голосе. Сестра пыталась ему помочь в своей черно-белой, преуспевающей, практичной манере. И он не мог обвинить ее во лжи. Его сегодняшняя жизнь мало чем отличалась от его жизни в восемнадцать лет. Но оператор ввода данных? *Привет, ад.* Это звучало как смертный приговор. Просидеть за письменным столом всю оставшуюся жизнь? Ребенок с СДВГ внутри него схватил коробок спичек, желая поджечь все вокруг.

– Гретч, я ценю это, и передай Тимоти спасибо за предложение, но мне не нужно, чтобы он давал мне работу.

– Он не против, – сказала она, и в ее тоне послышалось нетерпение. – Тимоти замечательный, он мог бы взять тебя под свое крыло и...

– Мне это не нужно, – выпалил он, чувствуя, как стены кухни смыкаются вокруг него. – Я собираюсь купить здесь театр и управлять им.

Слова повисли в воздухе, и все стихло, за исключением гудения холодильника и эха в его мозгу. *Купить театр. Купить театр. Купить театр.*

Затем, спустя долгое мгновение, Гретхен потрясенно открыла рот и разразилась лающим смехом.

– Ты только что сказал «*купить театр*»? – Она покачала головой. – Ой, да ладно тебе, Джас. Я пытаюсь с тобой серьезно поговорить, а ты шутишь.

Он любил сестру, но ей вечно с легкостью удавалось заставить его почувствовать себя невежественным ребенком. От него не ускользнуло, что он и сам думал, будто Фитц шутит, первоначально предлагая ему этот план, но внезапно это показалось лучшей идеей, потому что она не предполагала обучения вводу данных у Тимоти и приковывания себя к столу на всю оставшуюся жизнь.

– Я не шучу. Я встретился с парнем, которого знаю со школы. Он владеет инвестиционной фирмой и предложил помочь мне связаться с инвесторами. Я собираюсь подгото-

вить деловое предложение, сделать рекламу в средствах массовой информации вместе с труппой. На рынке образовалась дыра. В Новом Орлеане нет специального театра импровизации или скетча.

Она вперила в него взгляд, который можно было перевести только как «твою мать, ты что, сейчас надо мной издеваешься?».

– Вероятно, есть важная причина, по которой здесь нет театра импровизации. Ты хотя бы знаешь, как трудно сдвинуть бизнес с мертвой точки? Любой вид бизнеса, но особенно тот, который предполагает приобретение недвижимости и инвесторов для запуска? Ты ничего не знаешь о том, как начинать или вести бизнес.

– Многие не знают, когда начинают, – сказал он, выпрямляясь. – Видела бы ты людей в «Обходном решении», которые начинают собственное дело. Не у всех из них есть степень магистра Гарварда или Тулейна. Это просто обычные люди с идеями, которые для них что-то значат.

Гретхен ущипнула себя за переносицу.

– Джас, ты не продумываешь это до конца. Большинство этих людей начинают операции с участием одного человека с очень небольшими накладными расходами или рисками. Театр – это грандиозное дело. Тебе пришлось бы отвечать за деньги других людей. Но сейчас ты не можешь управиться даже с собственными финансами. Кто будет инвестировать в человека, у которого нет опыта?

Он ошетинился.

– Нет опыта? Возможно, я не знаю всех тонкостей ведения бизнеса, но я разбираюсь в импровизации. Я это умею, и я могу этому научить. И я верю в это. Мне просто нужно убедить в этом инвесторов.

– И мы возвращаемся к плану подмигиваний и шуточек. – Она запрокинула голову и посмотрела на потолок, как будто там были нацарапаны ответы. – Даже если бы ты смог это проверить – а это грандиозное «если», – деньги тебе нужны *сейчас*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.